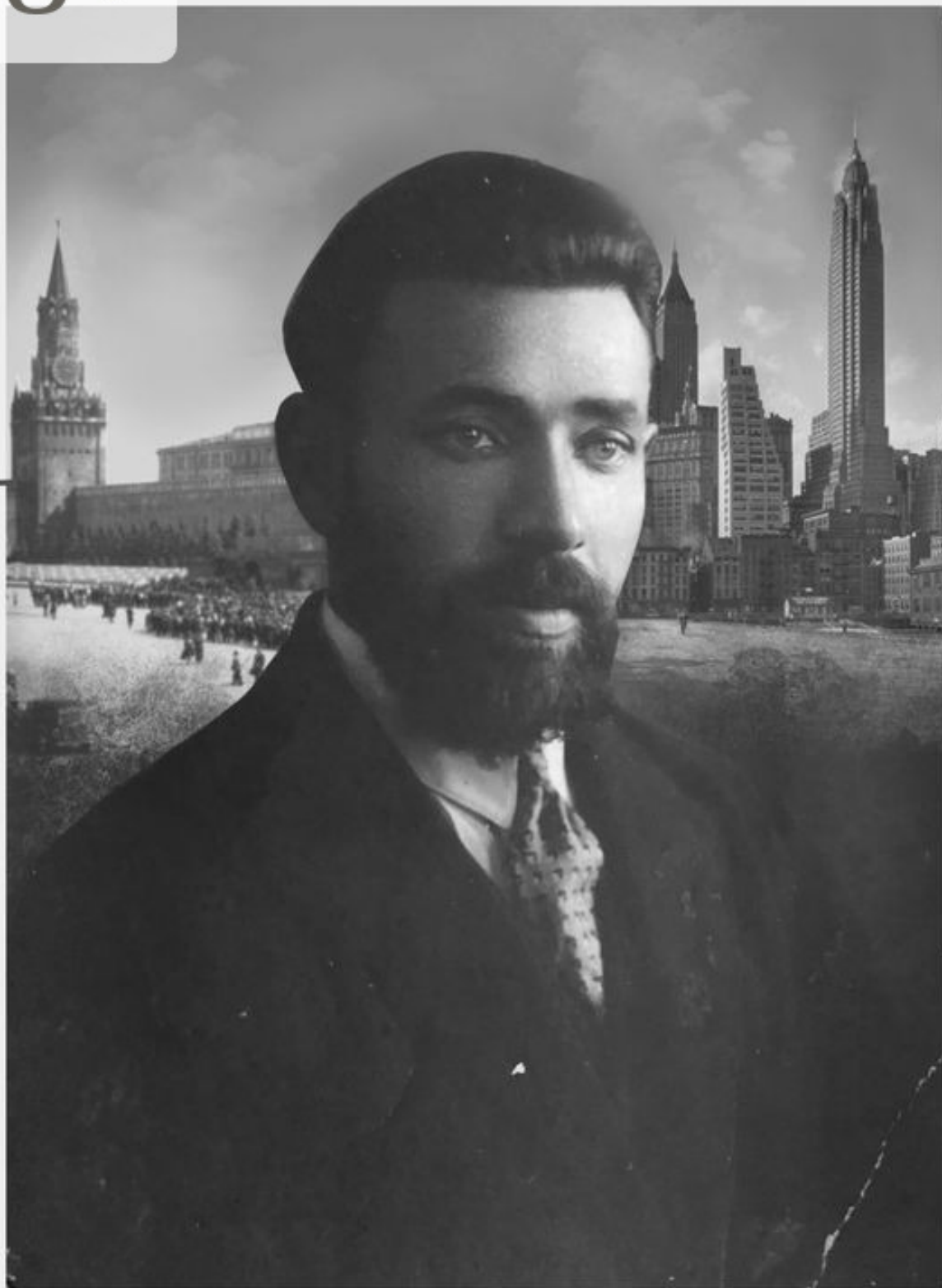

18+ Иосиф Аронович Шрейдер

ЛИЗА

Иосиф Шрейдер

Лиза

«Издательские решения»

Шрейдер И. А.

Лиза / И. А. Шрейдер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519901-0

Иосиф Шрейдер написал в 60-х годах 20 века несколько автобиографических книг. Наверное, он даже не помышлял о том, чтобы их опубликовать. Эта — история его знакомства со своей супругой Лизой. Лиза в детстве уехала с отцом-революционером в США. Она вышла там замуж и родила троих детей. После революции в России Лиза решает приехать в Советский Союз. Она не видит перспектив для себя и детей в капиталистической Америке, и надеется, что в новой стране ей удастся обрести новую жизнь.

ISBN 978-5-00-519901-0

© Шрейдер И. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Эпилог	7
Пролог	8
I	10
II	12
III	14
IV	21
V	27
VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лиза

Иосиф Аронович Шрейдер

Корректор Александр Меньшиков

Иллюстратор Дарья Каневская

Издатель ИП Баскова Е. В.

Автор предисловия Максим Басков

© Иосиф Аронович Шрейдер, 2024

© Дарья Каневская, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0051-9901-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Иосиф Аронович Шрейдер родился в 1901 году. Он написал эту и еще несколько автобиографических книг в конце своей жизни, в шестидесятых годах двадцатого столетия. Наверное, Иосиф даже и не думал о том, что эти книги когда-то будут опубликованы. Он не был профессиональным писателем. Писал «в стол».

Сейчас сложно представить, какие усилия в то время нужно было приложить, какие действия нужно было предпринять и к каким последствиям нужно было быть готовым, если хочешь опубликовать то, что думаешь на самом деле. Да и слишком частное это повествование.

Ведь это просто история знакомства Иосифа со своей любимой женой Лизой.

Впрочем, эта не такая уж и простая история. Да, пожалуй, и не может быть история знакомства двух людей, которые проживут потом вместе одну жизнь, простой. Да, подобных историй – миллионы, и порой кажется, что они так похожи, отличаются лишь парой незначительных деталей. Но это, конечно, не так. Во всех таких историях свои сомнения, свои преодоления, неуверенности, уступки, своя борьба и свои достижения. Увы, свои потери и даже предательства. Но в итоге – новая жизнь. Совсем не такая, какой ее себе представляют те двое, что ее создают. Но которая совершенно точно может быть счастливой, ценной, красивой. Или нет. Зависит только от двоих. И каждая история уникальна, каждая своя, каждая особенная.

Лиза еще ребенком с семьей эмигрировала в США. Это было до 1917 года. Ее отец принимал участие в революционном движении, и эмиграция была спасением от преследования царских властей. С приходом новой власти он вернулся в новую Советскую Россию. Лиза же, вышедшая замуж за американца, осталась в пригороде Нью-Йорка. Однако спустя несколько лет она решила, что в Советском Союзе для нее и, главное, для ее детей открыто гораздо больше возможностей и перспектив, чем в капиталистических Штатах, где у них даже нет возможности получить хорошее образование. Она принимает решение поехать с детьми в Москву. По плану ее муж должен был приехать в Москву позже. Он тоже потомок русских эмигрантов, но родился уже в США, он уже стал «американцем». Но из-за проблем с визой он не смог приехать в Советский Союз.

Представление о Москве и новой советской стране немного не совпало с тем, что увидела Лиза. Но ожидание новой жизни оказалось пророчеством.

В Москве Лиза встретила Иосифа. С этим не было особых сложностей. Ведь они уже были знакомы. В детстве. Лиза и Иосиф двоюродные брат и сестра.

«Необычайна своими превратностями жизнь, причудливы узоры человеческих судеб, если эта девочка, жившая в Нью-Йорке, и этот мальчик из заштатного приуральского городка все же были суждены друг другу».

Хочется думать, что одной из превратностей этой жизни, а как знать, может и узором чьей-то судьбы, будет публикация этой книги – спустя почти шестьдесят лет после ее написания.

Пойми, ведь то, что ты напишешь,
Не может написать другой.

М. Алигер

Эпилог

Вдруг открывшиеся веки, мгновенный, пронизательный, чуть удивительный взгляд голубых, ещё не потерявших яркости глаз, тихий глубокий вздох, похожий на еле слышное облегченное «ах!», – и грань между жизнью и небытием стерлась. Осталась лишь память о ней для живых. Что пронеслось в её сознании в последний миг? Тайна, навсегда недоступная проникновению. Но только не страх, не тоска, не сожаление, что-то до удивления для неё неожиданное. Что-то такое, чего не было даже в лучшие минуты жизни. Может быть, нашла своих солнечных, радостных мальчиков, так рано её покинувших.

Недвижимая маленькая женщина, шедшая по жизни, несмотря ни на какие житейские невзгоды, с улыбкой лежит там, где она живой никогда не лежала, – на столе. Лежит, забывшая свою жизнь, в состоянии абсолютного покоя, несвойственного её живому образу, почти седая, с проблесками непотускневших золотистых волос молодости, с восковым лицом, на котором морщинки стали едва заметными, ещё изящная, со сложенными непропорционально большими кистями рук над выпуклым животом. Выпуклый живот, развившиеся кисти рук, чего только не умевших делать, символы её материнства и большой трудовой жизни, в гармонии с не потерявшей изящество фигурой, лежащей в безнадежнейшей неподвижности, всё, что осталось ещё на несколько дней для живых её близких, чья жизнь органически была связана с её жизнью, всегда казавшейся невыносимой без неё. В моей жизни, тесно слившейся с её, умерло самое дорогое во мне.

Уложится ли когда в сознании, что я существую, а её нет, совсем её нет, что она осталась только памятью во мне? Прожила она жизнь, забыть которую – значит самому стать живым мертвецом, забыть о себе в самом дорогом и главном.

Никогда не останется она во мне умершей, но неизгладимыми останутся печаль и грусть, что никогда она не почувствует себя для меня.

Пролог

Впервые мы встретились в 1908 году. Мне было семь лет, ей девять. Мы были двоюродными братом и сестрой по моей матери и её отцу. Встреча произошла в Томске, куда мои родители в поисках более обеспеченной жизни переехали со своими шестью детьми, один другого меньше. Остановились у дяди, семья которого была не менее многочисленной. В этой семье небольшая, очень живая золотоволосая Лиза была по старшинству второй, а девочкой – первой. Обе семьи прожили около двух месяцев вместе, пока мои родители не подыскивали подходящую квартиру. Не знаю, как приходилось взрослым от того, что детей образовалась целая дюжина, но дети никаких неудобств не испытывали. Было очень весело, целыми днями играли, веселились, ссорились, мирились.

В детстве я был из тех малышей, мимо которых взрослые не проходят равнодушно. Вечно мне задавали вопросы вроде «чей это такой хороший мальчик», расточали похвалы и оказывали всякого рода внимание.

Чем я был обязан этому – то ли своей внешностью черноволосого с голубыми глазами, то ли выражением лица, то ли свойством характера; но это особенное внимание взрослых к себе запомнилось с раннего детства.

У родителей я был любимчиком, что, как ни странно, не вызывало зависти у моих братьев и сестёр.

Золотоволосая, такой она мне тогда запечатлелась, двоюродная сестрёнка Лиза, несмотря на свой небольшой рост и возраст девять лет, считалась у нас, у детей, чуть ли не взрослой. Она готовилась к поступлению в первый класс гимназии, к ней ходил репетитор студент. Лиза редко принимала участие в наших играх, а если и вступала, то, по свойству своего характера и потому что она уже была без пяти минут гимназисткой, принимала участие в играх с покровительственным видом, как организатор и руководитель. Среди детей она меня выделяла, но тон по отношению ко мне усвоила такой же, как и взрослые. По всякому поводу указывала она мне, какой я красивый и хороший мальчик, по-своему воспитывала меня, указывала, как нужно вести себя. Мне она тоже нравилась больше других детей, была непререкаемым авторитетом, и я всегда радовался, когда она играла со мной.

Наконец мои родители купили квартиру. Квартира оказалась на другом конце города. Дети стали редко встречаться, большей частью тогда, когда наши родители навещали друг друга. Когда с ними приходила Лиза, я бросал свои ребячьи игры на улице и уже не уходил из комнаты, пока там находилась она. Я не сводил с неё глаз и с большим нетерпением ждал, когда она обратит своё внимание на меня. Когда это случалось, я был на седьмом небе и был во власти какого-то особенного, непонятного мне тогда чувства теплой радости.

В Томске наша семья прожила немногим более полутора лет. Томск не входил в черту оседлости, существовавшую для евреев. В городе разрешалось жить лишь тем евреям, предки которых были николаевскими солдатами и кантонистами или отбывали наказание за какие-либо преступления в сибирских местах заключения. Когда выяснилось, что у моего отца таких предков не было, ему как не имеющему право жительства полиция предложила в течение 48 часов покинуть город. Мы уехали в приуральский город Троицк.

Спустя два года мы получили письмо с сообщением, что дядя со старшим сыном и Лизой эмигрировал в Америку. Так детская привязанность прервалась и превратилась в одно из запоминающихся радостных впечатлений детства.

Необычайна своими превратностями жизнь, причудливы узоры человеческих судеб, если эта девочка, жившая в Нью-Йорке, и этот мальчик из заштатного приуральского городка всё же были суждены друг другу, если они были предназначены для того, чтобы стать супругами: она – верным его другом, преданной женой и любовницей, он – её любящим и несколько дес-

потическим мужем. Только жизнь могла придумать, чтобы у них возникла та любовь, которая делает глубоко несчастным пережившего другого, делает обоих благодарными за взаимно посвящённую жизнь.

Насущное уходит вдаль, а давность,
приблизившись, приобретает явность.

Ф. Гете

I

Прошло десять лет, а жизнь творила свои предназначения, какие самая изощрённейшая фантазия не могла бы придумать. Казалось, какое могла иметь значение Октябрьская революция в том, что так тесно переплетутся судьбы молодой женщины, только что вышедшей замуж в Нью-Йорке, и юноши, живущего в далеком Зауралье, платонически влюблённого в очередную гимназистку, с детства позабывших друг о друге.

Если до революции из России, в поисках лучшей жизни, много людей эмигрировали в Америку, в Соединённые Штаты, и изредка оттуда кое-кто возвращался, сохранялась какая-то связь, то Октябрьская революция на долгие годы привела к изоляции страны, уничтожила всякие каналы связи между этими странами.

Возможность моей встречи с Лизой, и так невероятная, после Октябрьской революции переходила в область абсолютно невероятного.

Но жизнь на то и жизнь, чтобы чертить свои причудливые и невообразимые узоры в судьбах людей. Для судеб моей и Лизы жизнь, именно Октябрьской революцией, сделала главный ход к тому, чтобы наши судьбы получили направление на предстоящее сближение.

Дядя, вступивший в Америке в революционную организацию «Индустриальные рабочие мира», преследуемую правящими кругами, был арестован и как выходец из России, под предлогом, что он русский большевик, был выслан из Америки к себе на родину. Шёл 1919 год. Мне ещё и сейчас непонятно, каким чудом в царящем тогда хаосе удалось ему разыскать свою оставшуюся в России семью, к тому времени переехавшую к нам в Троицк, с которой он потерял всякую связь, когда началась Первая мировая война. От дяди я снова узнал: Лиза существует, вышла замуж, у неё родился сын и она живёт хорошо. Но какое это могло иметь отношение ко мне, к моей судьбе? Всё это отложилось в сознании, чтобы быть глубоко забытым.

После разгрома Колчака я уехал в Томск и поступил в университет. В 1922 году, узнав, что наша семья уехала из Троицка в Москву, куда ещё ранее переехал дядя с семьёй, приехал в Москву и я.

Москва стала точкой притяжения судеб моей и Лизы, ничего в то время об этом не подозревавшей. Лиза в 1923 году родила в Америке третьего мальчика и была счастливой матерью, а я все эти годы жил своей жизнью, в которой сердечные влечения занимали едва ли не главное место. Были увлечения, от которых память сохранила облик девушек, но не сохранила их имён. Но были и такие, о которых память сохранила всё – и они всегда будут жить в моём сердце. С каждой из них могла быть связана моя судьба, но жизнь уберегла меня для Лизы, единственной мне предназначенной, а их для кого-то другого. Жизнь, выполняя свои капризы, готовила нам с Лизой счастливый удел большой взаимной любви, прервать которую могла только неизбежность – смерть.

Бывает, что большому землетрясению задолго предшествуют небольшие, еле ощутимые толчки, свидетельствующие, что где-то в неведомых глубинах зреют неудержимые стихийные силы; так и в нашей жизни, казалось бы, незначительные явления возобновляли в нашем сознании новый интерес друг к другу, интерес, которому не придавалось значения ни мной, ни Лизой, но который уже стал началом того, к чему нас предназначала жизнь. Для меня этим толчком была фотокарточка, полученная дядей из Америки, на которой были сфотографированы Лиза с мужем. Муж мне явно не понравился, но Лизу я ощутил такой физически желанной, такой близкой к образу моих смутных мечтаний, что невольно проникся завистью к невзрачному мужчине, стоявшему рядом с ней. Я почувствовал большую горечь, словно меня постигла невозвратимая утрата.

Действительность быстро отрезвила. Я упрекнул себя за способность воображать немислимое, ведь Лиза жила в Америке и у меня не было ни какой-либо вероятности встретить её

раньше на своем пути, ни надежды на встречу в будущем. Нас навсегда разделили – не только Европа и Атлантический океан, но и то, что она вышла замуж и стала матерью троих детей. Я перестал об этом думать и накрепко забыл.

Для Лизы толчком послужило письмо её отца из Москвы (так Лиза мне потом рассказывала), в котором вскользь упоминалось обо мне и о том, что я живу в Москве и что я студент. Студенты для Лизы ещё с детства были предметом обожания, начиная с первого её репетитора. В её воображении студентами могли становиться лишь выдающиеся юноши. Она была убеждена, что студенты были самыми культурными и интересными людьми, что они были непременно участниками революционных событий. И вот мальчик, которого она помнила в детстве, любила тогда по-своему, считала красивым, теперь живёт в Москве и стал студентом. Естественно, в её воображении выкристаллизовался образ красивого студента, достойного обожания. Само собой разумеется, этот образ, запечатлевшись глубоко в сознании, в текучке семейной жизни был ею тоже надолго забыт. Эти два незначительных события в жизни каждого из нас, помимо нашего сознания и воли, ложились в основание того, что при благоприятных обстоятельствах могло бы вырасти в чувство настоящей любви.

II

Наступил 1926 год. Я не любил ходить к своим родственникам и подолгу у них не бывал. Как-то гуляя по Тверской, я встретил свою двоюродную сестру Соню, мою одногодку. После Лизы она была следующей в семье. В детстве её за разбитной характер, за любовь к ссорам и дракам, не только с девчонками, но и с мальчишками, прозвали солдаткой. Теперь ей было двадцать четыре года, и она превратилась в женщину выше среднего роста, привлекательной наружности, со стройной и упругой фигурой, привлекающей взоры мужчин. Несмотря на молодость, она уже успела выйти второй раз замуж за ещё молодого, но очень грузного партийного работника.

Увидев меня, она обрадовалась и воскликнула:

– Вот ты-то мне и нужен!

– Что ж, очень рад, – ответил я.

– Знаешь, вот уже месяц, как из Америки приехала Лиза с детьми. Она очень хочет видеть тебя. Лиза удивляется, что ты единственный из родственников до сих пор к нам не зашёл.

Я остолбенел, до того я был поражён услышанным известием. Очевидно, выражение моего лица было настолько растерянным, что Соня не выдержала и рассмеялась.

– Ну что превратился в истукана? Приходи! Только заранее предупреждаю, вряд ли вы будете очарованы друг другом.

– Почему очарованы? – не понял я.

– У неё ещё допотопные представления о студентах, а сама она – дама с самыми мелкобуржуазными взглядами. Впрочем, придешь – сам убедишься. А сейчас я тороплюсь, – и, кивнув головой, она пошла вниз по Тверской.

Я посмотрел ей вслед, недоуменно пожав плечами. И всё же я чувствовал себя обрадованным. Решил возможно скорее встретиться с Лизой, узнать, что же она собой представляет.

Был я в то время безработным, зарегистрированным на бирже труда, получал крохотное пособие, имел бесплатную обеденную карточку в столовую для безработных на Трубной площади. Изредка подвизался на поддающихся временных работах, большей частью погрузочно-разгрузочных и земляных. Толстовка и брюки, старенькие штиблеты, поношенная кепка и жиденькое демисезонное пальто составляли весь мой гардероб. Я хорошо понимал, что для дамы, приехавшей из Америки, мой внешний вид покажется весьма непрезентабельным. «Но, в конце концов, Лиза мне двоюродная сестра, так прекрасно запомнившаяся в детстве, и при встрече не мой внешний вид будет иметь главное значение», – решил я.

Спустя некоторое время, чтобы повидаться с Лизой, я зашёл к Соне, живущей тогда на углу Малой Дмитровки и Старопименовского переулка, на шестом этаже. В этом же подъезде, двумя этажами ниже, проживала сейчас и Лиза у своих родителей. Вместе с Соней в комнате жили её младший брат с женой.

Когда я пришёл, все были дома. Кроме хозяев, у них в гостях находилась ещё какая-то молодая чета, мне незнакомая. Все горячо о чём-то спорили, и моё появление этого спора не остудило. Я присел и прислушался. Спорили на политические злободневные темы. Вскоре я убедился, что фактически спора никакого нет, просто каждый из них пытался высказаться в духе наибольшей преданности советской власти. Я не мог отделаться от неприятного впечатления, которое и раньше бывало у меня, когда я их посещал, что всеми этими, с позволения сказать, спорами они рисуются друг перед другом. По моим убеждениям, преданность не нуждается ни в словесном её подтверждении, ни тем более в рисовке.

Улучив минуту, я обратился к Соне:

– Я хотел бы повидать Лизу.

– Сейчас мы это организуем, – откликнулась Соня. – Лиза тоже очень хотела тебя видеть. Сколько лет вы не виделись? Кажется, шестнадцать! Интересно, как вы встретитесь? Мироша, будь добр, спустись к Лизе, скажи, что пришёл Иосиф.

Мирон поднялся и вышел.

– Только я тебя заранее предупреждаю, ты сразу в ней разочаруешься, – продолжала Соня.

– Странно, ты уже второй раз предупреждаешь меня об этом. Мне просто хочется повидать двоюродную сестру, о которой у меня сохранились хорошие воспоминания... Что же, в конце концов, должно меня разочаровать в ней?

– У неё отсталые мелкобуржуазные взгляды, – пренебрежительно повела плечами Соня. – Зачастую и прямо мещанские. Ей многое не нравится у нас в Советском Союзе.

– Но это ещё не признак мещанства, – возразил я.

– А что же это, по-твоему? На пальце у неё обручальное кольцо. В трамвае она возмущается, если сидящий мужчина не уступает ей место, а в магазине не пропустит её вперёд себя к прилавку. Не нравится ей, что наши женщины не придают особого значения своей наружности и одежде, одеваются небрежно, ходят часто в гимнастерках и сапогах. Не нравится Лизе даже, что я живу с мужем незарегистрированной, что у нас мужчины и женщины во всём равны и что мы много разговариваем о политике. Если это не мещанство, так что же, по-твоему, тогда мещанство?

Я почувствовал, что у Сони какая-то неприязнь к Лизе. Мне это было неприятно, но понять, чем эта неприязнь вызвана, я не мог. Я ведь ещё не знал, чем стала Лиза.

Вернулся Мирон и с иронической улыбкой заявил мне:

– Лиза просила тебя извинить её. У неё сегодня плохое настроение, она неважно себя чувствует и прийти не может. По той же причине не может тебя принять у себя. Сказала, как-нибудь в другой раз.

– Так и сказала, не может принять у себя? – рассмеялась Соня.

Но меня взбесило именно то, что Лиза сказала «как-нибудь в другой раз». Во всех взаимоотношениях с близкими или интересующими меня людьми это «как-нибудь» действовало на меня, как красная материя на быка. Разница заключалась лишь в том, что, разъярившись, я не бросался на людей, а немедленно и надолго удалялся.

Посидев, приличия ради, ещё некоторое время, я попрощался и ушёл. Я был разочарован и потерял интерес к встрече с Лизой, подумав: возможно, действительно в Америке Лиза превратилась в мелкобуржуазную дамочку. Скоро совсем я перестал об этом думать.

Месяца полтора-два спустя ко мне в студенческое общежитие зашла моя замужняя сестра Лена. Она пригласила меня прийти к ней через пару дней на какое-то семейное торжество. Я пообещал.

Уходя, сестра ещё раз напомнила:

– Смотри, приходи обязательно. Будет Лиза!

– Лиза – это в качестве приманки? – насторожился я.

– Почему в качестве приманки? – не поняла сестра.

– Лиза обаятельная и милая женщина. Она очень хочет видеть тебя. Обижается, что до сих пор не зашел к ней.

– Положим, не так уж ей хочется меня видеть. – Я рассказал о своем неудачном визите к Лизе и что о ней наговорили.

– Наверное, была больна! Ты что, своих «двоюродных» не знаешь, – сердито буркнула сестра. – Смотри же, приходи обязательно... сам убедишься.

III

Когда я пришёл к сестре, приглашённые были все в сборе. Было очень тесно. На двух сдвинутых столах, покрытых белыми скатертями, заманчиво красовались водка, вино и разнообразнейшие закуски, на изготовление которых сестра была большой мастерицей.

Не сразу я обнаружил, что среди присутствующих нет мужа сестры.

– Где же Соломон?

– Ушёл за Лизой, – ответила сестра, – с минуты на минуту должны прийти.

Меня неприятно резануло. Что же это за особа Лиза, которая заставляет нянчиться с собой. Я не утерпел и спросил:

– Лиза настолько важная дама, что за ней необходимо посылать специальных курьеров и все обязаны её ждать?

– Не язви, если не в курсе дела! – ответила. – Мы пригласили Лизу с детьми, а их трое. Младшему нет ещё и трех лет, его приходится везти в коляске, Соломон пошёл помочь.

(Хотя и день был праздничный, о чём свидетельствовал и праздничный стол, было и соответствующее настроение, всё же мне казалось, что в этом дне нет ничего необыкновенного. Но жизнь творила своё необычайное дело. По московским улицам не спеша шла моя судьба – в виде молодой женщины, везущей коляску с ребёнком, и двух других постарше, шедших с ней рядом. Женщина, о которой не имел почти никакого представления.)

Я оглядел присутствующих мужчин. Они выглядели нарядными в своих выходных костюмах, в сорочках, с красивыми галстуками. Все были свежесбрированы и тщательно причесаны. Остриженный наголо под машинку, загорелый, с обветренным лицом, в новой тёмно-синей, надетой по случаю торжества сатиновой косоворотке, с незастёгнутым воротником, в старых брюках с оттопырившимися пузырями коленками, я не очень вписывался в поднарядившееся общество.

Я сознавал, что у меня не весьма привлекательный вид, особенно для первого знакомства. Но встреча должна пройти с близкой родственницей, поэтому я не придавал большого значения этим превосходящим обстоятельствам.

В маленькой прихожей раздались восклицания, торопливый разговор. Выделялся мелодичный голос, тщательно выговаривавший русские слова с каким-то неуловимым нерусским оттенком. Голос перемежался и веселым смехом, и командными нотками, обращёнными к детям.

– Руви! Повесь пальто сюда. Элек, это трогать нельзя! Джимочка, не вертись, пожалуйста!

В комнату вошла Лиза в сопровождении трёх мальчиков, похожих на купидончиков в разном возрасте и нарядно одетых в американские костюмчики.

Признаюсь, Лиза не произвела впечатление красивой, но мне показалось, что в комнате стало сразу светлей и милей. Я стоял в дальнем углу и с нескрываемым любопытством и интересом смотрел на Лизу и её детей. Я узнавал и не узнавал её.

Маленькая женщина в длинном платье, слегка обрисовавшем пропорционально сложенную фигурку, сохранившую какую-то не стершуюся грань подростка и сложившейся женщины, с розово-белым оживлённым лицом, на котором сияли тёмно-голубые глаза, с взбитыми волнистыми золотистого цвета волосами, создающими впечатление, что её голова несколько непропорциональна и велика по отношению к её фигуре, и тем самым как бы подчеркивающими её хрупкость и изящество, – такой представилась моим глазам Лиза. Она скорее была похожа не на молодую мать большого семейства, а на взрослую старшую сестру, пришедшую со своими малышами братишками.

Дети тоже произвели хорошее впечатление, особенно младший мальчик, маленький, стройный, с длинными золотистыми волосами, оживленным личиком, ласковыми и привет-

ливо лукавыми тёмно-голубыми глазенками. Мальчик был вылитый портрет матери, уменьшенный в величине и во времени.

В Лизе я узнавал черты, которые смутно сохранила память с детства, но не узнавал тот образ, который я создал себе по фотокарточке, где она снята с мужем, и в сравнении с её московскими сёстрами. Такой небольшой и хрупкой я её никак не представлял. Но то, что она мне родная по-настоящему, я почувствовал сразу.

Лиза, не раз бывавшая у сестры, со всеми присутствующими была знакома и обменивалась короткими приветствиями.

Очередь дошла до меня. На меня был брошен вопросительный взгляд и отвешен церемонный кивок, какой отвешивают незнакомому человеку, случайно встретившемуся среди общих знакомых. В ответ я тоже кивнул и улыбнулся ей интимно-приветливой улыбкой, какой улыбаются близким людям. Лиза ещё раз недоумённо и вопросительно взглянула на меня и с подчеркнутым пренебрежением отвернулась, обратившись к кому-то с вопросом.

Я был немного обескуражен таким отношением к себе, мне столько говорили, что Лиза очень хотела видеть меня. «Наверное, не узнала», – решил я. Вышло так, что никто ей не сказал, что я здесь. «Пусть события развиваются сами с собой», – подумал я.

Требуются большое искусство и немало времени, чтобы рассадить за столом в небольшой комнате большое количество людей. На меня, как на своего в семье, не обращали внимания. Лизу посадили на почётном и удобном месте. Всё это время я не сводил с неё глаз.

Лиза больше ни разу не взглянула в мою сторону. Я понимал, она чувствует, что я упорно смотрю на неё, и это её беспокоит. Когда к Лизе подошла сестра, она сердито, не беспокоясь, что её услышат, шёпотом спросила её:

– Кто этот урод, который как идиот всё время не сводит с меня глаз?

– Какой урод? – переспросила сестра, обводя глазами окружающих, – и, заметив меня улыбающимся и не сводящим глаз с Лизы, ахнула.

– Лиза, да ведь это Иосиф!

– Иосиф?! – резко повернулась в мою сторону Лиза. – Иосиф! – вскочив с места и уже обращаясь ко мне, смотря на меня широко открытыми от удивления глазами, в которых мгновенно отразилось что-то дорогое ей с детства. – Вот уж никогда не думала, что из тебя выйдет такой урод! Ты был такой красивый мальчик.

– Ну не такой уж я урод! – сказал я, подходя к ней. – А теперь, дорогая сестрёнка, давай всё же поздороваемся. Как-никак мы с тобой не встречались целых шестнадцать лет!

Я крепко её обнял и поцеловал, не по-братски, тремя короткими поцелуями, а одним мужским, чуть более продолжительным, чем это полагается родственникам.

Удивлённую и немного растерявшуюся, я посадил её на стул.

– Я тебя тоже не такой представлял!

– А какой же? – спросила она, смотря мне в лицо, как мне показалось, тревожным и изучающим взглядом.

– Ты много лучше! – ответил я и понял: я сказал и то, что думал, и то, что пришлось ей по душе.

– А теперь, Лиза, подвинься, видишь, все места заняты. Придётся нам с тобой посидеть на одном стуле.

Ни слова не говоря, Лиза подвинулась. Я сел, обнял её за талию, чуть прижав к себе.

– Смотри не упади! – улыбнулся я, заглядывая ей в глаза.

Лиза вспыхнула и сделала попытку отодвинуться, но я крепче привлек её к себе и упрёкнул: – Лиза, упадёшь!

Я был необыкновенно удивлён, когда моя рука ощутила глубокую выемку её талии и крутой, твёрдо-упругий изгиб бедра, а телом почувствовал такой же упругий рельеф всей фигуры. Я не удержался и воскликнул:

– Лиза, а ты далеко не такая хрупкая, какой кажешься на первый взгляд!

Лиза рассердилась, снова сделала попытку отделить мою руку от своей талии и сказала:

– Иосиф, и пяти минут нет, как мы знакомы, а ты говоришь глупости.

– Положим, – ответил я, – мы знакомы с тобой семнадцать лет, это во-первых. Во-вторых, и длительное знакомство не оправдывает того, кто говорит глупости. В-третьих, я сказал, что думал, и не прошло пяти минут, как мы знакомы, а ты уже сердиться на меня.

– Значит, говоришь обдуманные глупости. Совсем я на тебя не сержусь. Но давай говорить о чём-нибудь другом.

– О чём же нам с тобой говорить? Расспрашивать тебя об Америке, о твоих впечатлениях в Москве? Представляю, как это тебе осточертело...

– Иосиф, как ты выражаешься? – с упреком взглянула на меня Лиза.

– Прости, пожалуйста! Я не учёл, что у тебя ещё американское ухо. Но и ты только что выразилась не очень вежливо, назвав меня уродом. Или я в самом деле урод?

– Да нет же! – покраснела Лиза. – Я так долго не говорила по-русски, и всё ещё затрудняюсь в выборе слов. Просто я хотела сказать: очень некрасивый...

– Час от часу не легче! – рассмеялся я. – Даже очень?

– Ты меня смущаешь! Я же не подозревала, что ты Иосиф. Ты должен понимать, что я представляла тебя красивым, подтянутым, в студенческой форме... Словом, таким, какими я помню студентов с детства...

– В студенческой форме? – улыбнулся я. – Студентов в форме ты днём с огнём не разыщешь не только по всей Москве, но и по всему Советскому Союзу. Таких увидишь разве только на сцене в какой-нибудь дореволюционной пьесе. Значит, очень некрасивый?

– Да нет же! Не придирайся, и убери, пожалуйста, руку, мне неудобно... ты совсем не закусываешь.

Я почувствовал, что действительно бессознательно слишком тесно прижимаю Лизу к себе. Немного смутился и убрал руку.

(Разве мы с Лизой хоть на секунду подозревали, какие тесные объятия, и на всю жизнь, готовит скрытое от нас, неведомое наше будущее?)

Лиза была американкой, сравнительно новым человеком и интересной собеседницей, и гости всё чаще и чаще обращались к ней. Дети тоже поминутно её отвлекали, поэтому наш дуэт прервался.

Вскоре один из гостей, куда-то торопясь, попрощался и ушёл. Освободился стул, на который я, не без лёгкого сожаления, пересел. Завязался общий разговор, нимало меня не интересовавший.

Я подманил младшего сынишку Лизы, посадил к себе на колени и завёл весёлый разговор, какой можно затеять с трёхгодовалым человечком. Лиза то и дело изучающе на меня поглядывала и одергивала сынишку, если он схватывал меня за нос или за ухо.

– Так нельзя, Джеромочка!

Спустя некоторое время Лиза встала, извинилась и сказала, что она с удовольствием бы посидела ещё, но дети, и ей пора.

Я вызвался её проводить. Усадив малыша в коляску, я её покатыл. Лиза взяла среднего мальчика за руку, и мы не спеша пошли.

– Не понимаю, почему ты показался мне таким некрасивым? – обратилась ко мне Лиза

– Что же тут не понимать? – ответил я. – Я действительно некрасивый, и не от тебя первой это слышу. Ты помнишь меня ребёнком. Судя по рассказам и сохранившимся фотокарточкам, я действительно был симпатичным ребёнком. Кроме того, ты долго жила в Америке, а там вас воспитывают по снимкам представителей так называемого бомонда в иллюстрированных жур-

налах или на образцах фотокарточек киноактеров, вроде Дугласа Фербенкса¹ и тому подобных... и вдруг такой контраст.

– Ты, пожалуй, прав... мне в Америке то и дело говорили, что у меня есть сходство с киноактрисой Мэри Пикфорд².

– Возможно, какое-то сходство есть – рост, фигура, цвет волос... но бросили об этом. Расскажи лучше, зачем ты приехала в Москву и долго ли здесь пробудешь? Путь у нас не короткий.

Нам нужно было пройти по первой Мещанской, до Сухаревской площади, а потом по Садовому кольцу до Малой Дмитровки.

– Вечер такой хороший... мне не хочется сейчас ни о чём рассказывать. Мне это и на самом деле, как ты сказал, осто-черте-не-ло, – с трудом выговорила Лиза.

Я рассмеялся.

– Словечко понравилось?

– Но ты же так выразился!

– От меня ещё и не то услышишь! А тебе такие выражения совсем не идут... ну никак не вяжутся с твоим обликом.

– Хорошо, не буду. О себе я тебе расскажу как-нибудь в другой раз...

– Опять «как-нибудь»! – сердито прервал я Лизу.

– Что «опять как-нибудь»? – не поняв, переспросила Лиза. – Или я снова неправильно выразилась?

Я рассказал ей, что мне передали от её имени и как на меня подействовало это «как-нибудь», когда я первый раз пришёл, чтобы с ней повидаться.

– Какие они фальшивые! – возмутилась Лиза. – Совсем дело было не так. В тот вечер я болела, у меня была температура, сильный насморк и, конечно, плохое настроение. Когда пришёл Мироша и сказал, что ты пришёл, я же им все уши прожужжала, что хочу тебя видеть, и очень обрадовалась. Действительно, из всех родных мне больше всех хотелось видеть тебя. Я хорошо помнила, каким ты был симпатичным ребенком и как нравился мне. На последней фотокарточке, которую я получила три-четыре года назад, где вы сняты вчетвером – Соня, ты, Лена и Мироша, уже взрослыми, – я тебя сразу узнала. Ты не был красивей остальных, но они выглядели чересчур серьёзными и натянутыми, а еле уловимая улыбка и какое-то особенно хорошее выражение твоего лица заставили меня возгордиться, что ты мой брат. На карточке у тебя была причёска, чёрные густые волосы, зачёсанные назад, она так тебе шла. Почему ты ходишь остриженный под машинку?

Последние слова я пропустил мимо ушей и спросил:

– Значит, тебе послали эту карточку? Вспоминаю, я пошёл сниматься с неохотой и поэтому позировал перед фотоаппаратом. Наверно, я тогда подумал о чём-нибудь для себя приятном, внутренне улыбнулся, вот и вышел лучше, чем на самом деле.

– Значит, и бываешь лучше. Не скромничай! Когда папа написал мне, что ты стал студентом, я, помню, была очень довольна. Ты же был первым студентом среди наших родных.

Представляешь теперь, что мне было делать, когда мне сказали, что ты пришёл? Я выглядела так, что и самой себе была противна, и вдруг в таком виде первый раз встретиться с тобой! Я решила отложить наше свидание, пока не поправлюсь, так и просила тебе передать. Может

¹ Дуглас Элтон Томас Ульман Фэрбенкс-старший (англ. Douglas Elton Thomas Ullman Fairbanks, Sr.; 23 мая 1883 г. – 12 декабря 1939 г.) – американский актёр, одна из крупнейших звёзд эпохи немого кино. Основатель и первый президент Американской академии киноискусства.

² Мэри Пикфорд (англ. Mary Pickford, урождённая Глэдис Луиза Смит, 8 апреля 1892 г. – 29 мая 1979 г.) – американская актриса канадского происхождения, соосновательница кинокомпании «United Artists». Легенда немого кино. Обладательница премии «Оскар» (1930). Прославилась в амплуа девочек-сорванцов и бедных сироток и лишь в последние несколько лет карьеры перешла на «взрослые» роли. Снялась примерно в 250 фильмах.

быть, тогда я неправильно выразилась, но меня нужно извинить, за шестнадцать лет я отвыкла от русского языка и ещё часто думаю по-английски, потом перевожу на русский. Теперь мне понятно, почему ты не приходил.

– Ты на меня, Лиза, сердись – не сердись, но я тебе честно признаюсь, не люблю я твоих родичей... Я тогда подумал, что и ты от них недалеко ушла.

– К сожалению, и я чувствую себя в нашей семье не совсем родной... ну как тебе сказать, каким-то чужеродным телом. Да, – задумчиво проговорила Лиза, – получается совсем не так, как я об этом думала в Америке перед отъездом сюда. Когда в 1920 году папу выслали из Америки, я была сильно огорчена, и не только потому, что очень любила папу, но и потому, что с его отъездом фактически оставалась одна в чужой стране, не ставшей мне родной, хоть и прожила в ней десять лет, вышла замуж, родила сына и была беременна вот этим, которого сейчас держу за руку...

– Ты выглядишь такой юной, – прервал я Лизу. – Трудно поверить, что ты мать этих трёх мальчиков. Обратила внимание, как прохожие то и дело оглядываются на нас, что за странная группа? Для Москвы вы все нарядно одеты. У меня, везущего коляску, ни по возрасту, ни по моему более чем скромному одеянию отнюдь не отцовский вид, ты, в свою очередь, ничем не похожа на маму...

– Ну вот, и ты тоже! Чем я виновата, что не вышла ростом? В Америке надо мной шутили, называли «Маленькая хозяйка большого дома». Здесь в магазинах, если встанешь в очередь, обязательно кто-нибудь обратится: «Девочка, ты крайняя?» Невольно оскорбляешься, когда посторонние обращаются к тебе на ты. Что ещё хуже, если оглянешься, перед тобой начинают рассыпаться в извинениях, вроде: я думал... мне показалось...

– Не позавидуешь! – усмехнулся я.

– С отъездом папы, – продолжала Лиза, – рвалась последняя связь с родиной. Тоска по маме, братьям, сёстрам и родине, и так не оставлявшая меня, стала ещё сильнее. Жизнь потекла однообразно.

Когда был папа, к нему приходили интересные люди, связанные с революционным движением. Мне приходилось быть участницей и свидетельницей интересных разговоров и споров, и особенно об Октябрьской революции. Ко всему, что было связано с Россией, я прислушивалась с особым вниманием. С отъездом папы это прекратилось.

Мужу посчастливилось получить хорошо оплачиваемую должность в Нью-Гевенском трамвайном обществе, и мы приехали в этот город. Сняли квартиру в двухэтажном коттедже, весь первый этаж, три комнаты, спальня, кухня, ванная комната. Приобрели хорошую обстановку, ковры, холодильник...

Сестра и брат стали комсомольцами. Брат работает в самом большом московском универмаге «Мюр и Мерилиз» и выбран членом бюро комсомольской организации. Сестра вышла замуж за партийного работника, работает и учится. Все ведут большую и активную общественную работу. Даже мама, которая всегда занималась только домашним хозяйством, тоже участвует в каких-то кружках. Словом, все довольны, все живут полноценной жизнью.

Я получала такие письма, и моя жизнь, несмотря на материальное благополучие, стала казаться мне серенькой, будничной и бесперспективной. Тоска по родине и близким охватила меня с новой силой. А тут ещё и папа в каждом письме пишет, что он обо мне тоскует. Я ведь у него любимая дочь, а мои дети – его первые внуки. Как это ни казалось несбыточным, я всё чаще задумываюсь: хорошо бы и нам переехать жить в Советскую Россию, там такая интересная жизнь, – и время от времени заговаривала об этом с мужем. Какие у нас здесь перспективы? Подрастут дети, какое будущее их ожидает, станут рабочими, в лучшем случае клерками. Дать им высшее образование у нас не хватает средств.

Муж сначала и слышать не хотел об этом, называл меня фантазёркой, но, видя, что я сильно тоскую, хожу сама не своя, а он у меня мягкий во всём, старался мне угодить –

и однажды сказал: «Знаешь что, перестань изводить себя. Напиши отцу об этой своей идее, и пусть он посоветует, осуществима ли твоя идея и как».

Я немедленно написала папе подробное письмо, правда, без большой надежды, что из этого что-нибудь получится. Месяца полтора спустя я получила самый обнадеживающий ответ. Мне писали папа, сестра и брат. Все они удивлялись, как это им самим не пришло в голову. Они писали, что в Россию массами возвращаются уехавшие при царском режиме в Америку, Канаду, Англию и другие страны эмигранты – и все они хорошо устраиваются. Я всё ещё оставалась русской подданной, несмотря на то, что много лет прожила в Америке, поэтому визу оформить большого труда не будет стоить. Рекомендовали пока приехать одной, оглядеться, устроиться, а затем выписать и мужа с детьми. С мужем возникнут некоторые хлопоты, так как он хотя и сын эмигрантов, но родился в Америке и поэтому американский подданный, но это уладится.

Родные писали: пора уже объединиться всей семье, так долго оторванной друг от друга. Нечего мне делать, так и писали, в буржуазной Америке. В Советском Союзе с каждым днём становится всё лучше и лучше, а о будущем моих детей и говорить не приходится, насколько оно будет лучше.

Радости моей не было границ. Огорчало, что нужно расстаться на долгое время с детьми. Для меня это было невыносимо, и ни за какие блага мира я этого не сделала бы. Написала, что приеду при одном условии, если они оформят визу не только на меня, но и на детей.

И вот вызов пришёл. Начались лихорадочные сборы, покупка необходимых вещей и подарков для родных. наших сбережений не хватило, пришлось влезть в долги.

В хлопотах, в сборах, в охватившем меня возбуждении, в нетерпении предстоящей встречи с родными, я как-то не думала, что расстанусь с мужем на долгий срок – и кто знает, на какой. Я забывала о том, что он останется одиноким, без жены и детей, в которых души не чает, не задумывалась о том, что ему будет невыносимо тяжело.

Только на океанском пароходе, когда пришло время прощаться, при взгляде на его убитый вид, слёзы в его глазах, передо мной во всей наготе встала вся жестокость моего поведения и задуманной поездки. Вместо того чтобы подбодрить мужа, как-то его обнадежить, я неудержимо бросилась ему на шею. Сквозь рыдания я только и говорила: «Хочешь, я останусь? Хочешь, я никуда не поеду?» Он крепко прижимал меня к себе и тоже рыдал, не в силах вымолвить и слова. Глядя на нас, дети подняли громкий плач, с криком судорожно вцепились в нас ручонками. Вокруг нас толпились пассажиры – и некоторые тоже плакали. Сколько бы это продолжалось? Но неумолимый, оглушительный гудок парохода возвестил отплытие, и мы расстались.

(Да, гудок парохода возвестил, что жизнь совершает жесточайшую трагедию – разрушает семью. Кто мог знать, что спускающийся по трапу рыдающий мужчина только что навеки простился со своей любимой женой и детьми, что никогда он больше их не увидит и не встретит.)

Спустя две недели я была в Москве. Сколько радости, восторгов, нескончаемых разговоров, воспоминаний, удивления, чудесных впечатлений. Сам понимаешь, что значит через шестнадцать лет вернуться в семью, которую покинула десятилетней девочкой, а вернулась мамой, привезя с собой такое богатство, – Лиза кивнула на детей. – В семью, в которой все стали взрослыми. Но прошло несколько недель, и...

– И пришлось с облаков спуститься на землю, – не дал закончить Лизе. – Вот мы и пришли.

– В самом деле! – словно очнулась Лиза. – Я даже не заметила, как мы проделали наш путь. – Вдруг она рассмеялась и, лукаво взглянув на меня, сказала: – А тебе я так и не дала возможности рта раскрыть, хотя мне так хочется всё разузнать о тебе, расспросить, как ты живёшь. Ты же мне ещё совсем чужой, всего три часа, как я тебя знаю. – И, поглядев мне в глаза долгим изучающим взглядом, добавила: – Нет, не чужой! Не понимаю, как могла сразу не узнать тебя.

Чем больше в тебя вглядываюсь, тем больше нахожу сходные черты, какие запомнились мне в детстве. И всё же я о тебе ничего не знаю... Вернее, знаю со слов моих родных. Прямо скажу, они не очень лестного о тебе мнения. Они считают тебя ша-ло-па-ем, – с трудом выговаривая слово, покраснела Лиза, но тут же торопливо добавила: – Но я им не верю. – И, опять пронизательно взглянув мне в глаза, сказала: – Не может стать шалопаем такой ребёнок, каким я помню тебя.

– Бывают всякие метаморфозы, – усмехнулся я. – Возможно, со своей точки зрения твои родные и правы. У каждого свои взгляды на вещи... Во всяком случае, мне давать самому себе характеристику – занятие не очень приятное и лестное.

Дети всю дорогу под влиянием личных впечатлений не выражали особенного недовольства, что на них мало обращают внимания, но у подъезда своей квартиры стали заявлять свои права и выражать нетерпение, чтобы скорее попасть домой. Маленький в коляске крепко спал.

– Ну что ж, маленькая мама, до свидания! – Лиза при этих словах метнула в меня укоризненный взгляд. – Тебе пора приступить к исполнению материнских обязанностей. Уже поздно... Мы с тобой ещё как-нибудь увидимся...

– Не как-нибудь! – возмутилась Лиза. – Я тоже, как и ты, не люблю «как-нибудь». Придётся завтра! – сказала она приказным тоном.

– Видишь ли, Лиза, я бы с удовольствием, но не очень я люблю ходить к своим родным...

– Пустяки! Приходи обязательно, и лучше, если сможешь, днём... у нас все на работе.

– Хорошо! Пусть будет по-твоему, дорогая сестрёнка. Приду.

IV

Я не спеша возвращался домой. У меня было хорошее, приподнятое настроение, которое создаётся встречей с близким по душе человеком. Я думал о Лизе. Я спрашивал себя: почему женщина, которую я знал ребёнком, будучи сам ребёнком, в обществе которой я сейчас провел пару часов, будит к себе такие тёплые, родные чувства во мне. Я поймал себя на мысли, что ничего похожего я не испытывал не только по отношению к её сестрам и братьям, но и к своим. «Очевидно, – размышлял я, – детский образ Лизы, те чувства, которые запечатлелись в моей детской душе, дремавшие последние долгие годы, всколыхнулись от новой встречи с ней. Но что общего, – продолжал я размышлять, – между девочкой и матерью троих детей? Как можно испытывать к ним одинаковые чувства? Значит, можно», – решил я. В каждом человеке, всю его жизнь, живет ребёнок, сложившийся из детских впечатлений, не у всех одинаковый, но всё же накладывающий на него неуловимый отпечаток и в его взрослой жизни. Детские впечатления связаны были у нас друг с другом, мы узнавали что-то, сохранившееся у каждого из нас с детства, тем более что и чувствовали, и смотрели друг на друга сквозь призму впечатлений и чувств детского, ещё живущего в нас. А чувства были тогда чистые, радостные, тёплые. Как хорошо было сохранить эти чувства и сейчас, не остудить их, уберечь от разочарований, на которые так щедра жизнь. Обязательно завтра пойду к Лизе.

На другой день я пошёл к ней. Не успел я позвонить, как дверь открылась и вышла знакомая соседка.

Спросил:

– Лиза дома?

– Кажется, дома!

Я постучал и услышал голос Лизы:

– Войдите!

Открыв дверь, я не узнал комнаты. Сразу направо часть комнаты была отгорожена гардеробом и буфетом с одной стороны, а с другой – четырёхстворчатой ширмой. Я сообразил, что это, наверное, уголок Лизы, и откинул занавеску, заменяющую дверь. Передо мной предстала идеалистическая картинка: обедающие дети и среди них мама, сама больше похожая на подростка.

Увидев меня, Лиза обрадованно встала. На ней был красивый халатик, очевидно, привезённый из Америки, ещё более её молодящий.

– Иосиф, ты? Как ты вошёл? Я рада, что ты пришёл! Как раз к обеду...

Старшие дети устали на меня с раскрытыми ртами и ложками в руках. Младший заулыбался, узнав во мне вчерашнего знакомого, которого он дергал за уши и нос и который вёз его в коляске.

Лиза, увидев, что дети перестали есть, сразу вошла в свою, очевидно, привычную роль.

– Это что такое? Сейчас же продолжайте кушать!

Заметив, что её приказание не возымело действия, Лиза повторила его по-английски. Оба старших немедленно принялись за свой суп. Младший продолжал улыбаться.

– А я вижу, мальчики у тебя дисциплинированные...

– Как же иначе? Попробуй распуścić таких сорванцов! А тебе, Джеромочка, нужно особое приглашение? Ешь суп!

Джеромочка, как ни в чём не бывало, продолжал улыбаться и хитрюще посматривать то на меня, то на мать. Мальчонка понимал, что он имеет над своей мамой больше власти, чем она над ним.

Я подошёл к нему, посадил к себе на колени.

– А ну-ка, Джером, покажи, как ты умеешь сам кушать?

Мальчик схватил ложку и старательно ею заработал.

Лиза поднялась, принесла из второй половины комнаты стул, тарелки, прибор и налила мне супу.

– Мне не хочется, я недавно ел, – попробовал я отказаться.

– Иосиф, ешь и не заставляй себя уговаривать.

– Право же, не хочется, – продолжал я отказываться.

Тут произошло неожиданное. Ребёнок, сидевший у меня на руках, вдруг схватил меня за подбородок, повернул лицом к себе и с необычайно серьезным видом пролепетал: – Иосиф! Надо кушать! Не заставляй себя уговаривать!

Я и его братишки расхохотались. Лиза стремительно вскочила, буквально вырвала у меня ребёнка и, крепко прижав к груди, воскликнула:

– Джеромочка! Золото моё! Ну какой же ты у меня!

Это была та сценка, которая всю жизнь не забывается. Молодая, сияющая мать, прижимающая к груди ребёнка, отвечающего ей таким же сиянием и жмушечего ей щёки своими маленькими ручонками.

Впервые в жизни я подумал: «Какое было бы счастье, если бы у меня была такая жена и такой ребёнок!»

Но Джеромочка сделал своё дело. Для детей я навсегда остался Иосифом, другого обращения они ко мне не знали. Джеромочка его узаконил.

После обеда дети стали проситься гулять.

– Хорошо, идите, но помните, из садика чтобы не смели убежать на улицу, – сказала Лиза. – Иосиф, ты, пожалуйста, проводи их, я пока уложу спать Джеромочку... при тебе он не уснёт... и помою посуду.

– Ты не боишься отпускать детей одних? – спросил я.

– Нет! В садике безопасно, а на улицу они бегать не станут.

– Ты в этом уверена?

– Они один раз это сделали и были наказаны. Несколько дней после этого я их одних не пускала, и они гуляли со мной. Это их не очень устраивает...

– Почему?

– Моё присутствие стесняет их самостоятельность, кроме того, я же не могу долго гулять с ними – и им приходится возвращаться домой значительно раньше, чем хочется.

Когда я вернулся, малыш уже спал. Лиза сидела и чинила детскую курточку. Я ещё раз оглядел убогую обстановку и сказал:

– Да-а! Твой уголок здесь ничем не похож на твой американский коттедж.

– Разве только это? Одна кухня чего стоит. Входишь в неё как в большую лудильную мастерскую, копоть, вонь, шум. Из-за одного только примуса жить не захочешь, то он коптит, то не горит, то шипит... Изволь на этом примусе обед приготовить, чай вскипятить, воду для посуды нагреть, а стирка, сушка белья... У вас это называется раскрепощение женщины, потому что она вдобавок ко всем этим удовольствиям работает восемь часов на фабрике или предприятии и, прежде чем вернуться домой, вдоволь набегается по магазинам. У нас в Америке, в капиталистическом рабстве, как любят выражаться мои брат и сестра, я была от всего этого избавлена. У нас сервис... Ты знаешь, что такое сервис?

– Представляю... читал.

– Здесь всё не так, как мне писали. Я ехала в социалистическую страну. А что это за социализм? Идешь по улице, на каждом шагу частные магазины и лавочки, говорят, есть даже частные фабрики. Одни ходят в нарядах, что называется, в шелках и бархате, другие бедно одеты, вроде тебя. На перекрестках и в трамваях даже нищие попадают с протянутой рукой. Комнату теперь в Москве почти невозможно найти. А безработица?

В Америке безработицы давно и в помине нет. У нас «просперити», выбирай работу, какую хочешь и какую угодно. Мой муж не имеет специальности, работает контролёром в трамвайном обществе и зарабатывает достаточно, чтобы не только жить в хороших условиях, но и делать сбережения. Разве иначе я бы могла позволить себе такую дорогостоящую поездку в Советский Союз? На что может здесь рассчитывать мой муж? Сколько времени понадобится, пока он получит работу? Хватит ли его заработка, чтобы содержать такую большую семью, как наша?

Я обо всём написала мужу, и он больше и слышать не хочет, чтобы переехать сюда жить. Он требует, чтобы я готовилась к возвращению обратно. Правда, возвращение задерживается на пять-шесть месяцев. Муж вынужден часть своей зарплаты присылать мне сюда на жизнь. Понадобится время, пока он накопит необходимую сумму, чтобы приобрести шифкарту на обратный проезд. – Лиза немного помедлила и добавила: – И всё же не лежит у меня сердце к возвращению.

– Ну вот, Лиза! – воскликнул я. – Последней фразой ты сразу зачеркнула всё, что высказала. Нужно мне тебе возражать?

– Нет, Иосиф, не надо. Я всё понимаю, чувствую, что не права. Но неизбежность возвращения...

– Вот именно неизбежность возвращения, – перебил я её, – и заставляет тебя сгущать краски о нашей действительности и приукрашать страну, в которой тебе снова придётся жить. Нелегко возвращаться к разбитому корыту несбывшихся надежд. Но какой выход можно придумать в твоём положении?

– Если бы не дети, я бы, пожалуй, не возвращалась... – сказала Лиза – и осеклась.

Или её саму поразила высказанная мысль, или то, что высказала сокровенное человеку, которого она, в сущности, видит всего второй раз, или то и другое вместе, но она замолчала.

Я искоса взглянул на Лизу. Меня тоже поразила её фраза. Я понял: с моей стороны будет нечутко говорить с ней сейчас об этом. Я мысленно представил, какой бы была Лиза, если бы она не уезжала из России, и решил, что только женой и матерью она не была бы.

Чтобы нарушить затянувшееся неловкое молчание я спросил:

– А какие у тебя взаимоотношения с твоими родными? Наверное, тоже не так, как представлялось в Америке?

– Ты прав! Когда прошли первые радости, что мы, наконец, все вместе, начали сказываться те шестнадцать лет, которые мы были в разлуке. Расстались детьми, встретились взрослыми. Жили это время в разных мирах, сложились характеры, взгляды на жизнь... И вот мы, родные, должны были как бы заново знакомиться, присматриваться друг к другу... Совсем не так, как в семье, где все растут и формируются на глазах друг друга.

В наших отношениях стала появляться какая-то неуловимая тень отчуждения. Брат и сестра бредят политикой, словно в этом и заключается весь смысл жизни. Может быть, я не права, но мне кажется, что в них много какого-то казённого благополучия. Всё у них мировая революция, всё в мировом масштабе, всё идеально и так как надо. Держат себя так серьёзно, что лишний раз посмеяться или улыбнуться считают чуть ли не большим грехом. Когда я говорю, что в Америке то-то и то-то хорошо, они просто посчитали бы преступлением в чём-нибудь согласиться со мной. Если же, не дай бог, мне приходит в голову покритиковать что-нибудь из советских порядков, тут уж на меня начинают сыпаться гром и молнии, я и мещанка, у меня и мелкобуржуазные взгляды, я и политически неграмотная, и меня надо перевоспитывать. А в воспитателях, да ещё и таких, я меньше всего нуждаюсь. Как-нибудь сама разберусь, что к чему, – улыбнулась Лиза. – Представляешь, что происходит с родственными чувствами после всего этого? Но я, кажется, надоела тебе с этим?

– Что ты, Лиза! Я слушаю тебя с большим интересом. Я тебе выскажу своё мнение. Продолжай, пожалуйста.

Лиза немного помолчала, над чем-то сосредоточившись.

– Тут ещё чрезвычайное обстоятельство... уход папы от мамы. Ты ведь знаешь об этом?

– Не имею представления! Первый раз слышу.

– Папа теперь не с нами. Он живёт с молодой, но очень некрасивой женщиной. Она хористка в театре оперетты. Разрыв между папой и мамой случился до моего приезда сюда, может быть, он не имел такого значения, но это случилось при мне, и получается, что какая-то доля вины за это падёт и на меня.

– При чём же ты? – поразился я. – Когда это случилось и чем было вызвано?

– Связь, очевидно, возникла у папы ещё задолго до моего приезда. Мне трудно судить о родителях, но в разрыве частично виновата мама сама, её чрезмерное увлечение общественной работой в ущерб семейным обязанностям. Папа много работает, вечером учится, к тому же он немолодой. Естественно, он требовал, чтобы ему оказывалось внимание, чтобы, придя с работы, можно было отдохнуть. На деле часто получалось, что при возвращении дома никого не оказывалось, ему приходилось самому разогревать обед, если обед и вообще был приготовлен, всё делать самому. По всей вероятности, и в интимных отношениях было не всё гладко. У них часто начали возникать ссоры. Папа считал, ему нужна жена, а не общественный деятель, мама придерживалась противоположной точки зрения, полагала, что у папы устаревшие взгляды на семейную жизнь. Дети встали на сторону мамы.

Назревавший разрыв в связи со сложившимся моим приездом был приглушён. Родители понимали, каким ударом это было бы для дочери, которую они столько лет не видели. Отношения несколько наладились. Когда я приехала, то долго не замечала, что в семье не всё благополучно. Но прошло некоторое время, притупились радости свидания, выяснилось, что мне придётся возвращаться обратно в Америку, и всё стало входить в свою колею.

Всё, что было приглушено, снова стало вырываться наружу. То и дело опять возникали ссоры. Масла подлили в огонь и материальные соображения. Муж не мог посылать достаточно средств на жизнь, иначе моё возвращение могло затянуться на долгий срок. Доллары, которые он мне высылал, кроме того, по официальному курсу при обмене на рубли по покупательной стоимости составляли меньшую сумму, чем в Америке. Значительная часть расходов по моему содержанию и детей падала на папу. Он чувствовал себя виноватым, что дал верх чувствам и оказался столь легкомысленным в организации моей поездки, трезво не учтя всех обстоятельств, какие могли возникнуть. Папа старался создать мне и детям такие условия, чтобы мы ни в чём не нуждались. Это вызывало неудовольствие, хотя и скрытое, у мамы и моих сестёр. При всяком удобном случае начинали упрекать, пилить.

Женщина, с которой папа имел связь, забеременела, и в один прекрасный день он ушёл к ней совсем. Часто получается, если случилось что-либо непоправимое, начинают искать виноватого не там, где его следует искать. Мне стали давать понять, что виною произошедшему и я, что я недостаточно энергично отговаривала папу от сделанного шага. А самое главное, почему я не порвала с папой, как порвала с ним вся семья. Меня начали упрекать за то, что посещаю папу и, наверное, разговариваю там с этой подлой певичкой, иначе они её не называли. Но почему я должна была порвать с папой? Я его люблю, и мне особенно упрекнуть его не в чём. Его новая жена, правда, недалекая женщина, несмотря на то, что папа пожилой, его любит, заботится о нём, создаёт все условия, каких он не имел в семье.

Но, – спохватилась вдруг Лиза, – с моей стороны нехорошо, что я тебе об этом рассказываю. Какой могут представлять для тебя интерес наши семейные неурядицы?

– Откровенно говоря, небольшой интерес. Но к тому, что ты, как кур во щи, попала в эти неурядицы, я не совсем равнодушен...

– Почему?

– Как почему? – удивился я. – Сестра ты мне или нет?

– Но они тебе такие же родственники, как и я.

– Нет, не такие... выделял же я тебя за что-то в детстве, значит, и тогда ты была мне роднее и ближе, чем они...

– Но это было тогда, – лукаво взглянула на меня Лиза.

– Сейчас тоже. Ещё ничего не случилось такого, чтобы мне нужно было изменить своё отношение к тебе. Но ты продолжай, пожалуйста.

– Я тебе почти всё рассказала. Мечты и стремления, скрашивавшие однообразие моей жизни в Америке, не сбылись. Надежда, что с приездом в Советский Союз в моей жизни произойдут изменения к счастливому, к лучшему, что у меня здесь будут близкие, оказалась обманчивой. Я чувствую себя разочарованной... растерянной.

– Да! Я тебя понимаю, Лиза. Ты стала жертвой простого жизненного парадокса. Чем ты дальше от своих близких и родных, тем они тебе ближе, и наоборот, чем ближе к ним, тем больше от них отдаляешься.

– Я тебя не совсем понимаю.

– Сейчас объясню. Когда находишься вдали от своих близких, больше думаешь об их положительных качествах. Положительное лучше запечатляется, неприглядное ступёвывается. На расстоянии близких часто наделяешь такими качествами, какие тебе хотелось, чтобы у них были. А когда судьба сводит вместе, повседневность начинает обнаруживать незамечаемое издали, мелочность, эгоизм, своенравие, капризы, различие взглядов на жизнь и многое другое... Ну как тебе образно пояснить? Тебе приходилось гулять в лесу? Идёшь, идёшь, вдруг перед твоими глазами открывается красивая поляна с густой ярко-зелёной травой. Обрадованный, устремляешься к ней, чтобы отдохнуть, а подошел ближе – ноги начинают вязнуть в чавкающей трясине, трава оказывается не такой густой, какой казалась издали, да и растёт она на кочках. Не успел опомниться от такого превращения, как твоё присутствие привлекло к тебе комаров и разный гнус. Сравнение, конечно, гиперболическое, но всё же в какой-то степени мою мысль поясняет.

– Ты что же, отрицаешь родственную близость?

– Совсем нет. Близость становится настоящей при условии, если вас сближают, кроме родственных чувств, общие идеалы, всё, что близко вашим мечтам и стремлениям, причём хорошим мечтам и стремлениям. Близости никогда не будет, если она диктуется только родственными чувствами по обязанности. Близости никогда не будет, если мечты и стремления отрицательные... обывательские: разбогатеть, сделать карьеру, добиться, всяческими правдами и неправдами, жизненных благ и тому подобное.

Но вот то, что ты чувствуешь себя растерянной и разочарованной, никуда не годится. У тебя ещё всё впереди, ты так ещё молода.

– Что ты! Какая я молодая! Мать троих детей...

– Знаешь, когда я смотрю на тебя, я забываю, что ты мама...

– Мама! Мама! – заплескал ладошками проснувшийся и прислушивающийся к нашему разговору Джеромочка.

Мы с Лизой расхохотались.

Лиза бросилась к кровати, выхватила Джеромочку, на секунду прижала к себе и начала подбрасывать его вверх, стараясь укутить его за голые ножки. Мальчонка подгибал их под себя, и оба захлебывались от восторга. Они увлеклись своей игрой и совсем забыли о моём присутствии.

С неиспытанным удовольствием смотрел я на них.

Наконец Лиза запыхалась и поставила ребенка в кровать.

– Джеромочка, кто я?

– Мама! Мама! – опять захолопал в ладошки мальчик.

– Ну, вот видишь! – обернулась, всё ещё сияя, Лиза. – А ты говоришь, молодая!

– Ещё моложе, чем я думал, – рассмеялся я. – Не очень ты похожа на растерянную и разочарованную. Да разве с такими разочаруешься, – кивнул я на мальчика.

– В них вся моя радость, – блеснула глазами Лиза. – Что бы я без них делала? Джеромочка, давай одеваться. Мы пойдём в садик, посмотрим, что делают там твои братики. Я начинаю о них беспокоиться. – Она обернулась ко мне. – Пойдем с нами.

– Хорошо, я тебя провожу. Да мне и пора.

– Так скоро?

– Вот так скоро! – улыбнулся я. – Я сижу у тебя более трех часов... наверно, основательно надоел...

– И тебе не стыдно? – упрекнула Лиза. – Я опять не успела ни о чём тебя расспросить.

– Это от тебя не убежит. А я и не очень тороплюсь перед тобой исповедоваться... вдруг и тебе покажусь шалопаем.

– Не покажешься! – запротестовала Лиза.

– Ты в этом уверена?

– Не сомневаюсь.

– И мне хочется, чтобы ты во мне не обманулась, ты и без этого много наобманывалась... Лиза, скажи, Москва тебе понравилась?

– Не очень. После Нью-Йорка Москва выглядит бедной. Откровенно говоря, я Москву ещё мало знаю. Меня сводили на Красную площадь, в Большой театр и решили, что этого достаточно...

– Ну, это ещё даже не начало. А вокруг Кремля ты ходила, бродила по Китай-городу, в сквере у храма Христа Спасителя сидела, гуляла по бульварному кольцу? А в музеях: Третьяковке, Изобразительных искусств, в Останкино, Кусково, в Шереметьевке? А в парках: Измайловском, Сокольниках, Парке Культуры? Ходить тебе не переходить...

– Что же мне одной ходить?

– Почему одной? А я для чего. Назначь удобное для тебя время, и я к твоим услугам, благо у меня сейчас никакой работы нет.

– Тогда вот что, приходи завтра вечером. Я попрошу маму или младшую сестру посмотреть за детьми. С удовольствием поброжу с тобой по Москве.

– Договорились! – протянул я руку Лизе.

Лиза крепко пожала мне руку и удивлённо сказала:

– Какая у тебя маленькая рука.

– Портновская, – засмеялся я. – Только вот никак не научусь иголку держать в руках. Если у меня отлетает пуговица или отрывается вешалка, для меня это настоящая трагедия. А наперсток и вообще приводит меня в ужас. До сих пор не знаю, на какой палец он надевается. До завтра!

V

Вечером следующего дня мы с Лизой долго бродили по Москве. Когда мы подошли к храму Христа Спасителя, Лиза взмолилась:

– Иосиф, я страшно устала.

– Здесь, в сквере, мы посидим и отдохнём, – сказал я.

Был тихий, тёплый апрельский вечер. Река сильно разлилась. Вода почти вплотную подошла к зданиям противоположного берега, освещённые окна которых отражались в Москва-реке. Создавалось какое-то и реальное, и фантастическое впечатление. Там, где мы сидели, была Москва, с её знакомыми силуэтами Кремля и храма Христа Спасителя, напротив – что-то напоминающее Венецию, какой представлялась она в нашем воображении. Всё было необычно и красиво. Мы долго молча любовались открывшимся видом.

Большая вода давала себя чувствовать веющим холодком.

– Знаешь, Иосиф, я продрогла, – призналась Лиза.

Я обнял её и прижал к себе. Лиза порывисто отстранилась.

– Не надо! Я рассержусь!

– Что ты, Лиза? За что? Я без всякого злого умысла, просто немного согреть тебя... Если бы на мне был пиджак, я охотно бы уступил его тебе, но на мне толстовка... – и снова сделал попытку привлечь её к себе.

– Не надо! Это нехорошо!

– Да что же нехорошо? Не понимаю! Если бы рядом сидел твой брат, он сделал бы то же. Тебе и в голову не пришло бы сомневаться, что это вполне естественно. Ты же мне сестрёнка, да ещё самая любимая... Уж не принимаешь ли ты меня за кавалера? Я тебе честно признаюсь, если бы вместо тебя сидела здесь нравящаяся мне девушка, я на это вот так сразу не решился бы.

– Не надо, – опять повторила Лиза.

– Тогда пойдём! Ты простудишься. Я тоже, кажется, продрог.

– Но я так устала...

– Раз так, то подчиняйся! – Я крепко прижал её спину к своей груди.

Лиза покорилась.

Странное дело, как только я ощутил её прижавшееся тело, я почувствовал, что обнимаю не только сестру, но и желанную женщину. Спустя некоторое время я тихо спросил:

– Ну что, Лиза, так теплее?

– Теплей, – смущённо отвернув голову, проговорила Лиза.

– И мне тоже! Отдохнешь немного, и я тебя провожу.

Мы опять недолго помолчали.

– Скажи, Лиза, почему ты так рано вышла замуж?

– Мне было восемнадцать лет, а в Америке выход замуж в этом возрасте ранним браком не считается.

– Считается или не считается, но всё же это ранний брак, – возразил я. – Наверно, были какие-нибудь причины, сильное чувство или другие не менее важные обстоятельства?

– Нет, особенных причин не было. Всё было очень обыкновенно...

– Как обыкновенно? Выйти замуж, да ещё в таком возрасте, ты считаешь обыкновенным делом? В моем представлении, браку должен предшествовать увлекательный роман, о котором помнишь всю жизнь...

– Так бывает только в романах, в книжках... – рассмеялась Лиза. – В жизни совсем проще.

– Как проще? – недоумевал я. – Расскажи, это очень интересно.

– Всё очень просто. Мы с папой жили не на самостоятельной квартире, а в семье его двоюродного брата. Я кончила школу. На продолжение образования необходимых средств не было. В Америке высшее образование дать своим детям могут лишь состоятельные люди. Мне пришлось поступать работать на швейную фабрику. Девушка, работающая на фабрике, как бы привлекательна она ни была, у нас на блестящую партию, конечно, рассчитывать не может.

У семьи, в которой мы жили, были родственники, семья из трёх человек: муж, жена и единственный сын, молодой человек двадцати трёх лет, самостоятельно зарабатывающий. Он мне тоже приходился дальним родственником, троюродным или четвероюродным братом, как у нас называется, кузенком. Мы с ним были даже однофамильцами. Сэм, так его звали, часто заходил к нам и начал за мной ухаживать. Красивым его, конечно, назвать было нельзя, но он был высокий, немного худощавый и стройный шатен. Это уж кое-что значило. Мне высокие, может быть потому, что я сама небольшая, всегда нравились...

– Значит, с моим ростом у меня не было бы никаких шансов, – не утерпел я вставить.

– Ну тебя! Сэм стал приглашать меня в кино, театры и другие увеселительные места, делал приятные подарки. Видишь, как всё просто получается. Над нами наши родственники сначала дружески подшучивали. Когда мы шли гулять, они посмеивались: «Вон пошли длинная пятница с короткой субботой». На еврейском языке это звучит забавней. Потом обе семьи стали приглядываться к нам внимательнее.

Спустя некоторое время Сэм сделал мне предложение. Я наотрез отказала, мотивируя тем, что я слишком молода и не питаю к нему таких сильных чувств, чтобы выйти за него замуж. Казалось, дело откладывается в долгий ящик. Но ты сам понимаешь, если существуют две близкие семьи и в одной есть молодая девушка, а в другой молодой человек, то все старшие теряют покой. Желание во что бы то ни стало их поженить становится главной заботой.

И вот началась, как у вас здесь говорят, обработка, в которой принял участие и мой папа. Когда узнали, что Сэм сделал мне предложение, а я отказала, тут пошло: о чем я думаю, не надеюсь ли я, что мне сделает предложение сын Рокфеллера или Моргана, что Сэм имеет хорошо оплачиваемую работу, единственный сын у родителей, которые только для него и живут, разве плохо зажить самостоятельной жизнью, ни в чём не нуждаться, вместо того чтобы гнуть горб на фабрике, что Сэм во всех отношениях привлекательный и скромный человек и любая девушка была бы рада до небес, если бы он сделал ей предложение, и прочее...

Ну, сам понимаешь, на фабрике было работать нелегко, жизнь в чужой семье тоже надоела, перспектива самостоятельной жизни была заманчивой, к тому же я была так молода, и им не понадобилось много усилий, чтобы меня уговорить. Не прошло много времени, и мы поженились...

– Значит, ты не любишь мужа?

– Как не люблю? – отпрянула от меня Лиза. – Мы же с ним живём восемь лет, у нас дети, мы живём очень хорошо. Правда, он у меня немножко тряпка, я его часто тираню, не могу ему забыть, что он так меня добивался... но это уж мой дурной характер.

– И всё же это не любовь, – настаивал я.

– Не знаю, я как-то об этом не думала. Однако проводи меня домой, я отдохнула. Уже поздно, и стало прохладно.

Мы поднялись и быстро пошли. Прощаясь, Лиза сказала:

– Вот и сегодня ты опять ничего о себе не рассказал. Снова говорила я одна, и, кажется, такое, о чём не следовало говорить... меня даже немного мучает совесть.

– Ничего особенного ты не говорила, – поспешил я её успокоить. – Я с большим интересом слушал тебя. О себе я обязательно расскажу в следующий раз. Скучно тебе не будет, но всё же я побаиваюсь, как отнесёшься ты ко мне после моего рассказа, я имею уж горький опыт, не покажусь ли я тебе после этого вертопрахом... ты такое слово слышала?

- Слышала, мои родные и так тебя называли. Но я уж тебе говорила, что не покажешься.
- Раньше времени не зарекайся!
- Иосиф, ты меня обижаешь своим недоверием. Или ты тоже считаешь меня ограниченной мешаночкой и что я сужу обо всём, как это принято правилами поведения, а своего собственного мнения не имею?
- Нет, ты мне такой не кажешься. Так когда же мы с тобой увидимся?
- Знаешь, завтра я не смогу... Приходи послезавтра вечером, и мы снова побродим.
- Тогда давай сделаем так, чтобы мне к тебе не заходить, я тебе назначу свидание. Тебе когда-нибудь приходилось ходить на свидания?
- Представь, что нет! – засмеялась Лиза.
- Тем лучше! Это будет твоё первое свидание, – рассмеялся и я. – Тем интереснее тебе будет. Давай условимся так, я буду ждать тебя к семи часам на Тверском бульваре у памятника Пушкину... это от тебя недалеко. Если немного запоздаешь, не беда, я подожду. Так договорились, хорошо?
- Хорошо!

VI

В условленный вечер Лиза пришла к памятнику Пушкину с небольшим опозданием. Хотя было очень тепло, у неё через руку было перекинуто летнее пальто. Я усмехнулся.

– Чему ты усмехаешься? – спросила Лиза.

– Твоей предусмотрительности, – кивнул я на пальто. – Ты мне всё-таки не доверяешь.

– Совсем не в этом дело, – покраснела Лиза. – Может стать прохладно, а сидеть так, как в прошлый раз, не совсем прилично. Не забывай, что я всё же мать семейства...

– Это как раз я и забываю. Никак не могу привыкнуть к этой мысли, мне всегда требуется какое-то усилие, чтобы вспомнить об этом. Так куда же мы сегодня направимся?

Лиза огляделась и сказала:

– На бульваре так хорошо, и я была бы не против посидеть здесь... признаюсь, в прошлый раз я сильно устала, да и рассказывать тебе будет лучше. Я настроилась сегодня только слушать.

– Пусть будет по-твоему... поищем укромное местечко.

Вскоре мы нашли незанятую скамейку и сели.

– Так, с чего начать? – спросил я.

– С самого начала! – улыбнулась Лиза.

– Легко сказать, с самого начала... Ну хорошо! – И, немного подумав, я начал свой рассказ.

– До пятого класса гимназии я мало чем отличался от того мальчика, каким ты меня знала в детстве. Был я способным учеником и примерного поведения. Правда, звёзд с неба я не хватал, но по успеваемости с пятого по седьмое места были мои, а если учесть, что в классе было тридцать – тридцать пять учеников, то это совсем не плохо. Словом, я был таким учеником, которого ставят в пример и учителя, и родители. Это, конечно, мне льстило. Само собой разумеется, в то время гимназистки для меня не существовали, а если и существовали, то как нечто от меня не зависящее, с чем волей-неволей приходится мириться.

Но вот в пятом классе, совершенно неожиданно, во мне произошло, если выразиться образно, что-то похожее на дворцовый переворот. Я влюбился, до самых высших пределов обожания, в гимназистку шестого класса Сару Саражинскую – её так и звали «Сара-Сара», конечно, мне незнакомую. Тебе не трудно догадаться, что она была самая красивая во всей гимназии. Она была светлой блондинкой, чуть выше среднего роста, с почти оформившейся фигурой и жизнерадостным прекрасным лицом. Восьмиклассники, а они почти взрослые дяди, наперебой за ней ухаживали. Моё обожание к ней достигло той степени, когда я уж ни минуты не мог, чтобы о ней не думать. Я перестал даже готовить уроки. Моё обожание было настолько велико, что у меня даже не являлось желания с ней познакомиться. Мне было достаточно, если представлялась возможность лишний раз взглянуть на неё.

Всё стало наоборот. Раньше на гимназических вечерах и спектаклях мне больше по душе было действие, и я не выносил длинных антрактов; теперь я дождался антрактов с вождленным нетерпением, и чем антракты были длинней, тем я больше радовался, так как, прогуливаясь по длинному гимназическому коридору, я имел возможность лишний раз взглянуть на свою избранницу. Вечера танцев, которые раньше для меня не имели никакого значения, и я их не посещал, теперь стали самыми привлекательными, потому что весь вечер ничто не мешало мне не сводить с неё глаз. Я даже вступил в танцевальный кружок и начал учиться танцам, в тайной надежде, что когда-нибудь решусь пригласить её.

Всё это было моей тайной, никому не ведомой. Мои успехи в школьных занятиях круто покатались под гору. Но что самое странное, я и теперь не могу себе этого объяснить: несмотря на переживаемые мною возвышенные, чистые, никогда не испытанные чувства, в классе, неожиданно для всех, я стал самым заядлым озорником и заводилой.

Я не любил глупого озорства: подложить что-нибудь на стул преподавателю, выморозить класс перед его приходом, зажечь вонючую тряпку, чтобы пахло палёным, или вымочить классную доску, чтобы на ней нельзя было писать мелом. Я предпочитал заводить с преподавателями словесные поединки, причём остроумные и на такой грани, что класс грохал от смеха, а преподаватель хотя и понимал, что он допускает какую-то оплошность, но повода придраться не имел, тем более что ранее я всегда был примерным учеником.

Вскоре моя, с позволения сказать, слава стала предметом обсуждения не только в учительской, но и в городе. В это же время я увлёкся бильярдом, что было для гимназистов строжайше запрещено, а значит и более заманчиво, так как надо было быть изобретательным, чтобы не попасться на глаза надзирателю или преподавателям. Я начал курить. Как это всё уживалось с тем чувством возвышенного обожания, которым так переполнено моё сердце, – одному богу известно, в которого, кстати, в это время я перестал верить. Ложился я спать – думал о ней, в надежде, что завтра увижу её, просыпался утром с радостью и благодарностью, что она живёт.

Но этой любви пришёл внезапный трагический конец. Любящее сердце способно предчувствовать. Незадолго до трагического события я как-то стоял на балу позади Сары. Меня поразила необычайная белизна её шеи. Подсознательно мне показалось: такую белизну накладывает на юность смерть. Как бы невероятной ни показалась подобная мысль, сердце защемило невыразимой тоской. Увы, это было ясновидение.

Сара каталась на катке, простудилась и буквально в несколько дней сгорела. Её трагической кончиной был ошеломлён весь город. Она была, это можно сказать без преувеличения, всеобщей любимицей. За её гробом шли не только все гимназисты и гимназистки, но и много другого народа.

Не подозревая, она унесла с собой в могилу мою первую, большую, кристально чистую любовь. Вот когда первый раз мир для меня опустел, лишился радостных красок, потускнел. В сердце образовалась такая пустота, которую я ощущал почти физически, пустота, приносящая невыносимое страдание. Это продолжалось долго. Но мне было пятнадцать лет. Инстинкт жизни подсказал, что пустота должна быть заполнена, иначе сердце сожмётся, превратится в сморщенный чёрствый комок. И тут появилась Зиночка Мерш, красивая шатенка с тёмно-синими глазами. С ней всё было иначе. Это тоже была платоническая любовь, но не на расстоянии. С ней я танцевал и много гулял, и даже были робкие крепкие поцелуи. Продолжалась эта любовь недолго и кончилась безболезненно, сама собой. Было ещё несколько увлечений, удачных и неудачных, но увлекался я, как правило, только хорошенькими девочками, и притом такими, у которых были поклонники.

В то же время моя озорная слава росла. Уроков я почти не учил, довольствовался тем, что слушал в классе. О моих проделках в городе даже начали ходить анекдоты, зачастую преувеличенные. Дело дошло до того, что в седьмом классе (это было при Колчаке) был поставлен вопрос о моём исключении из гимназии, но посчитались с тем, что у меня незадолго до этого умер отец и для большой семьи, в которой я был старшим, это будет сильным ударом, и ограничались, в качестве профилактической меры, исключением на шесть недель.

Вскоре в городе была восстановлена советская власть. Гимназия была реорганизована в семиклассную единую трудовую школу, которую с грехом пополам закончил. Летом я уехал в Томск и поступил в университет. Сначала я избрал медицинский факультет, но, попав в анатомический музей, испугался вонючих и трупов, перевёлся на факультет общественных наук на правовое отделение.

Осенью, перед началом занятий, всех студентов мобилизовали на проведение Всероссийской переписи. Я был включен в группу, которая должна была направиться в Омскую область. В эту группу попала совсем юная студентка Оля Шуппе, с которой у меня возникла первая настоящая любовь. Возникла эта любовь при совершенно необыкновенных обстоятельствах,

закончилась пощёчиной, единственной в моей жизни, которая, наверное, долго будет гореть на моей щеке. Но об этом рассказывать долго, – вздохнул я.

– Расскажи, пожалуйста, – чуть не взмолилась Лиза. – Это же очень интересно!

– Нет, об этом рассказывать нужно долго, пожалуй, не хватит и целого вечера. Если захочешь, я с удовольствием расскажу эту историю в следующий раз. В одном могу тебя заверить, я не позволил ничего оскорбительного по отношению к ней. Я проявил неосторожность, рассказав сон, главной участницей которого была Оля. Ей всё пересказали в извращённом виде, и она восприняла это как невыразимую пошлость, грязь и немыслимое оскорбление своей любви.

С переписи я вернулся, в полном смысле этого слова, с разбитым сердцем, охваченным тоской и мучительными думами об Оле. С таким настроением я и приступил к занятиям в университете, к которым так стремился. Олю я, конечно, встречал и в университете, и на лекциях, но она, очевидно, обладала твёрдым характером: я ни разу не заметил, чтобы она посмотрела в мою сторону. Подойти к ней объяснить я так никогда и не решился.

Учение шло с пятого на десятое. Нас часто отвлекали на заготовки дров для университета и многие другие физические работы. С этим ещё можно было бы мириться, мы были молоды, тяжелее было переносить голод. Студенты получали паёк, фунт хлеба и обед. Обед состоял из супа с мороженой картошкой, а на второе – мясные котлеты, большей частью с душиком, с гарниром из немолотой пшеницы. В изобилии был только красный перец, которым мы усердно сдабривали и душик котлеты, и однообразие гарнира. Хлеб и обед проглатывались с необыкновенной быстротой и попадали в желудок, словно в бездонную яму. Сытости никакой, только горло першило и горело от перца. Голод давал себя знать в самые неподходящие моменты. Сидишь на лекции или читаешь в университетской библиотеке – и вдруг ловишь себя на том, что думаешь не о предмете, а обо всех кусках хлеба, какие ты не доел в своей жизни. Но всё же жили весело: танцы, вечера, студенческие диспуты не пропускались. Устраивались и студенческие вечеринки с угощением, которое приобреталось вскладчину. Угощение состояло из ржанных пирожков с начинкой из конского мяса, запивалось морковным чаем с кусочком глюкозы. Нельзя сказать, что мы облизывались от удовольствия, но съедалось всё с отменным аппетитом и приправлялось остроумными и веселыми шутками. Зачёты с трудом, но сдавали, и, пожалуй, не столько благодаря приобретенным знаниям, сколько либеральному отношению к нам профессоров.

Весной моё внимание обратила на себя одна студентка лет двадцати трёх. Обратила она моё внимание тем, что её часто можно было видеть в окружении студенческого начальства (тогда ключевые посты занимали студенты-партийцы, в большинстве тридцати—тридцатипятилетние), и тем, что её внешность резко бросалась в глаза, она выделялась из массы студенток.

Я не подозревал, что это женщина сыграет в моей жизни значительную роль. Внешность её, безусловно, заслуживает описания. Среднего роста, светло-рыжая, с причёской, которую, кажется, носили в первой половине девятнадцатого века, расчесанной на прямой пробор и спущенными по бокам длинными, кольцеобразными буклями, круглое полное лицо, поражающее свежестью кожи и нежным розовато-белым цветом, свойственным рыжим женщинам. Красиво очерченная алебастрового оттенка шея, высокая грудь, тонкая талия, подчеркивающая прекрасные бёдра, стройные красивой формы, чуть полные ноги невольно заставляли с восхищением её рассматривать. Она была бы настоящим совершенством, если бы природа, исчерпав все краски, не наградила её круглыми, кошачьими, водянисто-зеленоватого цвета глазами и чуть широким тонкогубым ртом, обнажающим при улыбке хищные мелкие зубы. Её фигура была так совершенна, линии настолько выпукло чётки и гармоничны, я почти не сомневался, что она носит корсет.

Насколько её фигура не могла не восхищать, настолько её лицо казалось мне непривлекательным. Эта дисгармония заставляла меня разглядывать её с каким-то смешанным чувством восхищения, удивления и разочарования. Хотел бы я знать, как это чувство выражалось

на моём лице, но, очевидно, выражалось так, что не могло не бросаться в глаза. Помимо своей воли я разглядывал её упорно, забывая, что это неприлично и что такое разглядывание может быть ей неприятным. Я не замечал за собой того, что мог бы заметить и слепой, а тем более женщина, которую так рассматривают.

Хотя мне было уже двадцать лет, я ещё был целомудренным юношей и не знал, что женщина, даже потупившая глаза, видит сквозь закрытые веки, если это ей необходимо, не хуже, чем с открытыми глазами. По некоторым признакам, мне стало понятно, что ей известно то, как я её осматриваю, хотя она не обращала на меня никакого внимания и не смотрела в мою сторону. Её спутники часто поглядывали на меня с ехидными усмешками. Ясно, она обратила внимание на моё поведение. Я это хорошо понимал, но так как, кроме её внешности, ничто больше меня в ней не интересовало, у меня не возникало желания ни с ней познакомиться, ни навести о ней справки, я не обращал на их усмешки внимания.

Разглядывать я её продолжал с прежним упорством. Во мне как будто проснулся художник. В своём воображении я переделывал её лицо, делая его чуть удлинённым, её причёску преобразовывал в классическую, награждал большими тёмно-синими блестящими и удлинёнными глазами, наделял её красивой формы ртом, с идеально очерченной верхней губой и немного утолщённой нижней. Тогда перед моим мысленным взором предстала настоящая, ожившая небожительница, накинувшая на себя современное платье.

По какому-то совпадению, два-три раза в неделю, в определённый час, наши пути скрещивались в глухом переулке, образуемом двумя длинными высокими заборами, за которыми были сады. Появлялись мы с противоположных концов и сразу замечали друг друга. Приближаясь, она опускала лицо вниз, я же устремлял на неё, как обычно, свой упорный взгляд. При встрече на узком деревянном тротуаре, слегка повернувшись боком и лицами в противоположные стороны, мы молча расходились. Иногда в эти моменты я успевал заметить на её лице едва уловимую ухмылку. Такие встречи продолжались несколько недель.

Однажды, когда мы должны были при встрече, как обычно, вполборота разойтись, она подняла лицо, взглянула мне в глаза и приветливо улыбнулась. Это было столь неожиданным, что я мгновенно вспыхнул огнём, споткнулся, чуть не полетел с тротуара в канаву и только огромным усилием воли удержал себя от того, чтобы не броситься бежать. Всё это произошло в единый миг. Мы прошли как обычно, но я почувствовал себя невыносимо скверно. «Хватит, – решил я, – пора прекратить эту неумную игру, никто не обязывает меня ходить именно этим переулком». Я не представлял, как я могу теперь с ней встретиться, после этой улыбки и того, как я на неё среагировал. Я изменил свой маршрут. В университете я тоже стал избегать тех мест, в которых встреча с ней могла бы оказаться возможной. Вскоре всю эту историю я выбросил из головы.

Жил я тогда в комнате совместно с двумя студентами, в которую переехал сравнительно недавно. О причине переезда стоит сказать несколько слов. До переезда мы с моим одноклассником по Троицкой гимназии Яшкой Чекрызковым снимали небольшую уютную комнату у домовладельца, сдававшего в своём доме три-четыре комнаты студентам. Хозяева были бездетными, он пожилой, огромного роста, коренастый, свирепого вида. Хозяйка была полной его противоположностью: небольшого роста, хрупкая, добродушная и приветливая. Они держали корову и несколько коз. Вход в дом был со двора. Калитка находилась всегда на цепи, приоткрывалась на полметра, и для того, чтобы пройти, нужно было сгибаться в три погибели под цепь. Спать хозяева ложились аккуратно в десять часов вечера и запирали калитку на засов от ворот. Когда мы приходили позже, для того чтобы попасть домой, приходилось стучать в окна комнаты хозяев, выходившие на улицу. Было очень неудобно беспокоить спящих людей, а возвращаться домой до десяти часов нас тоже не устраивало, это значило бы отказаться от танцевальных вечеров, студенческих вечеринок и других развлечений. На наше несчастье, остальные студенты и курсистки были зубрилами и возвращались домой всегда вовремя. Мы

с Яшкой оказывались вроде как на особом положении. Когда мы возвращались поздно, большей частью нам открывал калитку хозяин. Делал он это молча, но с таким свирепым видом, что нас буквально продирали мороз по коже и все слова, приготовленные для оправдания, замирали у нас на губах. Вид у хозяина, когда он открывал нам калитку, действительно был чудовищный. Без того высокий, с надвинутой на брови высоченной папахой, накинутым на плечи необъятным тулупом, ногами в широченных полосатых подштанниках, заправленных в колоссальные валенки, он превращался в наших глазах в разбойника-великана: вот-вот огреет тебя своей огромной лапищей. Перед таким немыслимым верзилой нужно было согнуться чуть не пополам, чтобы пролезть в калитку под цепью. Приходили мы в себя от пережитого ужаса, только очутившись в комнате, и то не сразу. Когда нам открывала хозяйка, мы сразу вздыхали с облегчением, потому что на все наши оправдания и извинения она неизменно с добродушной улыбкой отвечала: «Не беспокойтесь, милые! Нешто я не понимаю. Сама была молодая».

Всё же хозяин нагонял на нас такой ужас, и мы себя чувствовали настолько униженно, пролезая под уничтожающим взглядом хозяина в злополучную калитку, что мы даже пробовали отказываться от всяких развлечений, чтобы этого не испытывать. Но молодость брала своё, проходило некоторое время, и мы возвращались к старому. Необходимость возвращения домой отравляла нам и танцевальные вечера, и студенческие вечеринки. Смутная тень нашего хозяина, свирепо открывающего нам калитку, маячила в нашем сознании даже в самые восторженные минуты.

Дело начало доходить до анекдотов. Когда мы возвращались поздно, мы всю дорогу молили Бога или провидение, чтобы нам открыла хозяйка. Подойдя к дому, несмотря на мороз, мы долго торговались, кому постучать в окно. Наш страх был так велик, что мы забывали, что в замороженное окно не видно, кто стучит. Наконец кто-нибудь из нас решался постучать, и тогда начиналась новая торговля, кому первому пролезать в калитку. Каждому хотелось миновать калитку первым, чтобы не чувствовать за спиной возвращающегося хозяина.

– Никогда не представляла, что студентам приходится так мучиться! – засмеялась Лиза.

– Тебе смешно, а каково было нам! – ответил я, с обидой глядя на Лизу, находясь ещё под впечатлением когда-то пережитого.

– Я вам сочувствую! Но как представлю ваши «героические» фигуры, невольно становится смешно. Продолжай, пожалуйста!

– В один прекрасный день мы с Яшкой решили: хватит с нас этих представлений с тихим ужасом и связанных с ними переживаний. Решили поискать другую комнату и приступили к поискам. Отдельную комнату подыскать не удалось, но разные комнаты, совместно с другими студентами, нашли.

В комнате, в которой я поселился, помещались хозяйский сын и студент-медик из Верхнеуральска, Осип Неизвестный, такая у него была фамилия. Это был статный парень, года на два или три старше меня, жгучий брюнет, обладатель смазливой физиономии, которая так нравится девушкам. Одет он был, по тем временам, почти шикарно; хорошего сукна, полувойенного покроя френч, всегда чистая сорочка, галстук, тёмно-синее галифе, до блеска начищенные шевровые сапоги. Кроме этого, он обладал и другим разнообразным гардеробом. Он был сыном состоятельных родителей и какими-то неведомыми путями часто получал из дома посылки. Правда, в комнату эти посылки он никогда не приносил.

Три односпальные железные кровати, длинный стол посередине, несколько стульев, стоявшая у двери тумба с граммофонными пластинками и граммофоном с большой яркой зелёной трубой составляли скромную обстановку нашей комнаты.

Жили мы дружно. Неизвестный раза два в неделю дома не ночевал. По этому поводу мы с хозяйским сыном подшучивали над ним, утверждая, что он завёл себе какую-нибудь томичку и боится нам показать, чтобы мы её у него не отбили. Неизвестный по обыкновению на наши шутки отмалчивался, углублялся в книгу или выходил из комнаты. Заметили мы за ним ещё

одно. На следующий день после того, как он не ночевал дома, он часто был в мрачном и раздраженном настроении.

Однажды, когда мы над ним особенно настойчиво подшучивали, Неизвестный не вытерпел, рассердился и закричал на нас: «Хватит! Довольно! Надоели мне ваши дурацкие шутки! Никакой у меня томички нет! Я женат, и у меня есть дочка, ей скоро годик исполнится».

Лиза, мне, конечно, не нужно тебе говорить, что с нами произошло, когда мы это услышали. Мы превратились в библейские соляные столбы и уставились на Неизвестного вытаращенными глазами.

– Ну, что вы на меня уставились, как бараны на новые ворота? Даже рты разинули. Вы никогда не видели женатого человека?

– Послушай, Аська! – обрел я наконец дар речи. – Женатый человек, конечно, не диво... Но как же так, ты никогда не говорил об этом ни слова, а самое главное – почему не живёшь вместе с женой?

– Попробуй поживи с ней! – И он безнадежно махнул рукой.

– А что значит «попробуй»? – продолжал я удивляться.

– А то и значит! Она у меня не совсем нормальная.

– Час от часу не легче! Больная, что ли?

– Хуже! Она признаёт только современный брак.

– Какой ещё современный брак?

– Чёрт его знает, какой! – раздражённо ответил Неизвестный. – Она считает непроходимым мещанством, если муж и жена живут вместе, это же посягательство на свободу личности. По её мнению, муж и жена должны жить на отдельных квартирах, встречаться в определённые дни и ночи...

– Ну и ну! – не выдержал хозяйский сын. – Вот это бабочка! Придись на меня, я бы такую жену в бараний рог согнул.

– Как же, согнёшь её! Она сама кого хочешь согнёт!

– Да... – протянул я. – Скажи, Аська, ты её сильно любишь?

– В том-то и беда... Она делает со мной всё что захочет.

– А тебя она любит?

– Наверно! Иначе не вышла бы за меня замуж...

– Значит, не находите общего языка?

– Она признаёт только свой язык!

– Знаешь, Аська, интересно было бы с ней познакомиться, посмотреть, что это за чудо.

– Это можно устроить. Жена сама проявляет желание. Ей, видишь ли, интересно, в каком окружении проживает её дорогой муженёк.

Прошло несколько дней. Весна в этом году была ранняя и на редкость тёплая. Все ходили в летней одежде. Готовился, не помню по какому случаю, торжественный студенческий вечер. Накануне Неизвестный, возвратясь домой, сказал мне:

– Меня назначили одним из администраторов вечера, кроме того, я не танцую, поэтому на этот вечер я предложил жене в качестве кавалера твою кандидатуру. Она охотно согласилась.

– Напрасно! – не выразил я никакого восторга. – Следовало сначала заручиться моим согласием. Я твоей жены ни разу в глаза не видел. Мне один раз пришлось быть кавалером чужой жены, и этот случай запомнился на всю жизнь...

– Какой ещё случай? – спросил Неизвестный, удивляясь моей несговорчивости.

– Я был ещё гимназистом. На одном балу, перед началом очередного вальса, подходит ко мне шупленький мужчина с дородной дамой под руку, раза в полтора выше его, а в объёме и того больше, и обращается: «Молодой человек, будьте любезны, пригласите мою жену на вальс». Я обомлел. До сегодняшнего дня не пойму, как я согласился...

– Воображаю, какой изумительной парой вы были! – расхохоталась Лиза.

– Это я тогда отчетливо себе представлял. Не помню, как уж я протащил её два круга, поблагодарил и тотчас же ушёл с бала. Долго ещё я был мишенью для насмешек у своих товарищей. Это мне так запомнилось, что избави меня Бог со всем сонмом своих архангелов, чтобы со мной что-либо подобное повторилось.

– За кого же ты мою жену принимаешь? – обиделся Неизвестный. – С ней каждый за честь сочтёт танцевать, лишь бы она согласилась.

– А ты не преувеличиваешь? – спросил я, всё ещё не доверяя.

– Нисколько! Сам в этом убедишься!

– Ну, чёрт с тобой, согласен... только из уважения к тебе.

За полчаса до начала вечера мы с хозяйским сыном, уже приготовившиеся и прифрантившиеся, ждали жену Неизвестного, которая должна была за нами зайти. Неизвестный, как администратор, ушёл раньше. Мой товарищ сидел за столом и углубился в решение шахматной задачи. Я стоял у двери и от нечего делать крутил пластинки на граммофоне. Раздался энергичный стук в дверь. Я свободной рукой приоткрыл дверь и замер.

– Вы?!

– Вы?! – воскликнули мы одновременно.

В дверях стояла одетая в красивое, с низким вырезом, платье, плотно облегающее фигуру, моя рыжая небожительница, с которой я так нелепо встречался. Я стоял без движения в необычайном изумлении и успел только заметить, что и мой товарищ стоит и смотрит на неё глазами, чуть не вылезаящими из орбит. Сколько продолжалась эта немая сцена – секунду, две, три, больше... Первой заулыбалась и заговорила наша гостья:

– Давайте знакомиться! Вы, конечно, Ося, – протянула она мне руку. – Ну а вы – Валентин, – подошла она к товарищу. – А я Лаура!

«Чёрт, и имечко тоже», – пронеслось в мозгу.

– Тебе не скучно? – спросил я Лизу, спохватившись, что ей может быть неинтересно то, что я рассказываю.

– Что ты! Что ты! Я слушаю с большим интересом. Для меня это всё так необычно. Ты хорошо рассказываешь, продолжай, пожалуйста, продолжай, – попросила Лиза.

– Итак, Ося, – обратилась ко мне Лаура, – вам предназначено быть на сегодняшнем вечере моим чичисбеем. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

Я церемонно поклонился и сказал:

– К вашим услугам!

– При взгляде на вас мне почему-то кажется, что вряд ли вы хорошо танцуете, – усмехнулась Лаура.

– Это легко проверить! – и, больше ни слова не говоря, я подошёл к тумбе, разыскал пластинку с вальсом «Белая берёза» и завёл граммофон. Валентин мигом отодвинул стол и убрал стулья.

Я окинул Лауру взглядом. Меня снова поразила своей красотой её высокая грудь, даже ткань не могла скрыть её идеальной формы. Существуют на свете вещи, которые невольно привлекают, чтобы их трогали руками. Такое ощущение во мне вызывала её грудь. Заранее оговариваюсь, что прикасаться к этой груди руками мне не пришлось. В удовольствии ощутить её грудь своею я решил себе не отказывать. Я подошёл к ней и поклонился: «Прошу!» Она положила руку мне на плечо, я взял её за талию, вплотную крепко привлек к себе и закружил

в вальсе. Я был уверен, что моя рука ощутит корсет, но мои пальцы ощущали упругое тело. Лаура удивлённо взглянула на меня и сказала:

– Вы очень хорошо танцуете.

– В гимназии у нас был неплохой преподаватель танцев. Вам же лишний повод – не делать скороспелых выводов и не поддаваться первым впечатлениям...

– С большим удовольствием признаюсь в своём заблуждении. Однако нам нужно торопиться, – сказала она, высвобождаясь из моих объятий. – А вы танцуете? – обратилась она к Валентину.

– К сожалению, не танцую. Но не прочь бы поучиться.

– Что же, могу давать уроки. Давайте, коллеги, всё же поторопимся.

Мы вышли на улицу. Лаура взяла меня под руку.

– Не правда ли, наши встречи с вами были оригинальными?

– Мне кажется, вы их не замечали.

– Это вам кажется. Я всё замечала. Меня они очень забавляли... Кстати, почему вы перестали ходить этим переулком?

Я пробормотал что-то невнятное. Не объяснять же ей, как я при последней встрече едва не полетел в канаву и чуть не бросился бежать.

Весь вечер она танцевала со мной. Всем приглашавшим её она отказывала, делая иногда исключение, если её приглашал какой-нибудь знакомый из студенческого начальства. Танцевать с ней было одно удовольствие. Ощущение её упругого, как-то по-особенному выпуклого тела пьянило и возбуждало, но глядеть ей в лицо я избегал. Я никак не мог ей простить ни её глаз, ни её рта, ни её мелких, казалось мне, хищных зубов. На любом другом лице, возможно, все эти детали и не замечались бы, но на её лице всё это необъяснимо меня оскорбляло, и я никак не мог отделаться от этого ощущения.

Лаура оказалась умной, интересной и очень остроумной собеседницей. Я совсем не заметил, как вечер подошёл к концу.

– Послушайте Ося, я хорошо провела с вами время. Давайте встретимся где-нибудь завтра.

– С превеликим удовольствием. Назначайте время и место.

Лаура немного подумала.

– В три часа в переулке, где мы с вами встречались.

– Позвольте! – вскричал я, поражённый. – Там же нет ни одной скамейки!

– Зато нет и прохожих... усядемся прямо на тротуаре, а ноги спустим в канаву. Хорошо? – засмеялась она.

– Что же, если вам так нравится, давайте, – согласился я.

Наконец Неизвестный освободился от своих обязанностей и подошёл к нам. Мы ещё немного поговорили. Затем он взял её под руку, и они простились со мной.

Неизвестный в эту ночь не пришёл ночевать.

– Лиза, я не очень подробно рассказываю? Может быть, сократиться?

– Нет! Нет! Что ты, Иосиф! Я с таким интересом слушаю. Я как будто роман читаю.

– Ага! – воскликнул я, польщённый. – Значит, Шолом-Алейхем был прав, если он для своей автобиографической повести «С ярмарки» взял эпиграфом слова «К чему романы, если сама жизнь роман».

В условленное время я был на месте назначенного свидания. Я уселся на тротуаре в самой середине переулочка. Мне пришлось ждать минут десять-пятнадцать. За это время по переулочку не прошло ни одного человека. Наконец на углу показалась Лаура. Увидев меня сидящим, она заулыбалась и приветливо помахала рукой.

– Здравствуйте! Извините, что немного задержалась, провозилась с дочкой... Помогите мне сесть... Вот так, теперь хорошо. Ну, рассказывайте.

Я пристально взгляделся в неё и спросил:

– Хотел бы я видеть, как вы провели сегодняшнюю ночь. Узнать, что вы чувствовали, – и сам испугался своих слов.

– Что?! Что?!

Мой вопрос её ошеломил. Лаура густо покраснела, затем изучающе в меня взгляделась, пытаюсь прочитать на моём лице, почему я задал такой вопрос. Потупившись, она ответила:

– Я всю ночь была под впечатлением вечера, проведённого с вами.

– Я так и думал.

Лаура вздрогнула и, высокомерно сощутив глаза, сказала:

– Ося, а вы не ду-ма-ете, – растянула она слово, – что вы очень самоуверенны?

– Нет, не думаю. В себе как раз я не очень уверен. Вы разрешите мне быть с вами откровенным?

– Пожалуйста!

– Вы ведь не любите своего мужа?

– С чего вы это взяли? – удивилась Лаура.

– Для этого не нужно быть проницательным. Я же живу вместе с ним, вижу, как мало времени он проводит с вами, как редко он ночует дома и какое у него бывает тяжёлое настроение после того, как он переночует у вас.

– Не понимаю, к чему вы всё это говорите?

– К тому, что вы не любите своего мужа. Если бы вы его любили, вы жили бы вместе.

– Значит, вы не признаёте современный брак?

Я досадливо отмахнулся.

– Современный брак – это глупая выдумка, попытка красивыми словами прикрыть половую распущенность. В лучшем случае современный брак – это более или менее длительная связь, с так называемой свободой удовлетворения любых своих потребностей, с лазейкой, позволяющей при первом удобном случае эту связь прервать. Да и само слово «современный» нужно здесь взять в большие кавычки. В самом деле, чем эти ваши современные браки отличаются от браков прошлого столетия? Ничем. Почитайте Бальзака, Золя, я уж не говорю о других авторах, и вы в этом убедитесь. Там, правда, муж и жена живут в одном доме, но на разных половинах, предоставляя друг другу полную свободу с единственным условием, чтобы сохранялись внешние приличия, так называемая честь дома. Все эти ваши современные браки несовместимы с настоящей любовью. Настоящая любовь во все времена была одинаковой – это желание быть вместе, посвятить свою жизнь друг другу.

– Допустим, что вы правы, но я не понимаю, какое это имеет отношение к тому дикому вопросу, который вы задали мне в начале нашего разговора.

– Я объясню. Вы разрешили мне быть откровенным. Вчера у нас с вами быстро возникла близость. Мы чувствовали интерес друг к другу и – может быть, это сильное выражение – влечение. Мы и танцевали с вами не так, как просто знакомые, а теснее, совсем теснее. Ощущение вашего плотно прижавшегося тела меня влекло, пьянило, возбуждало, и не только потому, что это тело интересной женщины, но и потому, я в этом не обманывался, что оно отвечало тем же. Вы не можете этого отрицать. Иначе вы весь вечер не танцевали бы только со мной, не сидели бы сейчас здесь в этом глухом переулке. Да вы сами только что признались. Расставаясь на вечер, мы знали, что будем жить новыми ощущениями, будем думать друг о друге. Так почему же мужа, которому вы уделяете не так уж много ночей, на сегодняшнюю ночь вы взяли с собой? Почему у вас не явилось желание эту ночь быть одной?

– Ося, вы, наверное, сегодня плохо спали... Уж не ревнуете ли вы меня к мужу?

– Спал я неважно... и к вашему мужу вас не ревную. В крайнем случае я мог ему позавидовать. Ревность такое чувство, которое само по себе не существует. Ревность – антипод другого чувства, любви, и может существовать только с ней. Я в состоянии тонко чувствовать, но вот постичь, почему женщина, будучи возбуждена одним, думая о нём, может в это время отдаваться другому... Какая тайна творится в женщине?

– Что ж, в этом есть своя острота, – сказала Лаура, – но, мой юный философ, надо смотреть на вещи проще. С вашей философией вам будет трудно жить на свете...

– Не знаю, трудно или легко. Но в понятие «жить» каждый вкладывает свой смысл.

– Прости, Иосиф, я тебя перебею, – прервала меня Лиза. – Я не могу поверить... в моей голове это никак не укладывается: как можно так разговаривать с женщиной, с которой знакомы всего один вечер. Что это за женщина, позволяющая с собой так обращаться?

– Ты права, Лиза, это выглядит необычно, и я, конечно, до неё ни с кем так не разговаривал. Но я столкнулся с женщиной не совсем обыкновенной, а по своим физическим и интеллектуальным качествам незаурядной, и, как я безотчётно чувствовал, женщиной, которая может стать опасной. Я понимал, что понравлюсь ей как непорочный юноша, восхищающийся ею. Я понимал также, что ей необходима очередная победа, или очередная жертва, с которой бы она впоследствии могла играть, как кошка с мышью. Поэтому я и решил сбить её с проторенных путей и ошарашить так, чтобы, как говорится, взять инициативу в свои руки. Ты, может быть, спросишь, зачем мне всё это было нужно? На это я тебе отвечу: Лаура была интересным человеком и женщиной и близкое знакомство с ней привлекало. Я понимал: чем больше она будет наталкиваться на непривычное для неё или на сопротивление, тем более хозяином положения буду я. Последующие события показали, что я был прав.

– Продолжай! – попросила Лиза.

После недолгого молчания Лаура сказала:

– Знаете, Ося, я составила о вас одно представление... а вы совсем другой.

– И ваше представление правильное... никакой я не другой. Бросим этот разговор. Расскажите лучше о себе. Мне кажется, у вас была интересная жизнь. Кстати, почему у вас такое звучное имя, ведь оно совсем не еврейское.

– Это имя я выбрала сама... по глупости. Я была ещё неоперившейся девчонкой, и моё имя казалось мне слишком прозаическим – меня зовут Лия. Вот и пошло: Лаура и Лаура, и не помню, как уже это имя попало в документы, так за мной и увековечилось.

– Забавно! Но рассказывайте, пожалуйста.

Рассказывала она интересно, много такого, что меня страшно удивляло, о чём не имел никакого представления, а иногда такие вещи, от которых огонь по жилам пронизывал. Мы сидели на тротуаре, опустив ноги в канаву. Короткое платье не прикрывало её колен, от которых трудно было отвести глаза, до того они были красивы и манящи. Тонкая ткань облегла её формы, словно она была в трико. Через небольшие промежутки времени она вытягивала ноги, обтянутые шёлковыми чулками и обутые в изящные туфельки, то по одной, то обе вместе и любовалась ими. Чувствовалось, что она привыкла показывать себя и нравилась самой себе. Когда она рассказывала, то чуть ли не вплотную приникала ко мне, вопрошающе заглядывала в глаза и приближала лицо так близко, как будто она напрашивалась на поцелуй. Действительно, стоило бы мне сделать неосторожное движение – и, помимо моей воли, это могло случиться. Моё счастье, что в ней именно её глаза и рот были для меня меньше всего привлекательны.

Вот что она рассказала о себе. Родилась в Ташкенте, родители её были состоятельными и имели свой крупный магазин готового платья. В 1916 году она приехала в Москву и поступила на историко-филологический факультет. Завела обширные знакомства. Вошла в кружки

футуристов и имажинистов, возглавляемые Давидом Бурлюком, Василием Каменским, Крученых, Мариенгофом, Шершеневичем и другими, познакомилась с Маяковским. Была участницей всяких литературных диспутов о новой поэзии и поэзии будущего. Кто-то из участников кружков соблазнил её и увлёк настолько сильно, что она стала его сожительницей. Связь продолжалась недолго, в моду входила свободная любовь. Затем было ещё несколько связей.

Мне казалось, что, рассказывая об этих связях, Лаура как бы давала понять, что такими связями она гордится и что, при некоторой настойчивости, сопротивления я не встречу. Но тут она ошиблась, женщины, так свободно распоряжающиеся своим телом, меня не привлекали, а отталкивали.

Когда в 1918 году Москва села на четвертушку хлеба, вопросы любви полетели ко всем чертям. Было, что называется, не до жиру, быть бы живу. Вот тогда ей встретился Осип Неизвестный, она вышла за него замуж и уехала с ним в Верхнеуральск, в то время сытный край. Через год они приехали в Томск и поступили в университет.

Кончив рассказывать о себе, Лаура спросила:

– Ося, вы любите новую поэзию?

– Честно говоря, – ответил я, – поэзией не увлекаюсь, а новую и совершенно не понимаю.

– Не может быть! Вы такой, что не можете не понимать новую поэзию...

– Но, к сожалению, это так... По-моему, новая поэзия – набор слов, и зачастую непонятных.

– Не кощунствуйте! Вы читали «Облако в штанах» Маяковского?

– Нет, не читал... Да и название какое-то нелепое.

– Сами вы нелепый! Вот слушайте! – Она продекламировала: «Хотите, буду безукоризненно нежным, не мужчина, а облако в штанах». – Как, по-вашему, нелепо?

– В этом есть смысл, – сказал я подумав.

– Спасибо за признание! А теперь слушайте! – И она скороговоркой и монотонно прочитала: «Нежные, вы любовь на скрипки ложите, любовь на литавры ложит грубый, а себя, как я, вывернуть не можете, чтобы были одни сплошные губы». – Как, по-вашему, набор слов?

– Похоже, что так!

– А теперь послушайте! – Она прочитала это четверостишие очень выразительно. – Ну как, набор слов?

– Пожалуй, это образно.

– По-жалуй! – передразнила Лаура. – А вот послушайте, как это самое выражено у другого поэта, у Есенина: «Сильным даётся радость, слабым даётся печаль».

– Это ассоциируется, – сказал я.

– Ага, ассоциируется! Вот возьмите слово – «куцый». Как, по-вашему, подходящее это слово для стихов?

– Не очень поэтичное словечко.

– Не поэтичное? Смотрите, как оно звучит у Маяковского.

«Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций

грядёт шестнадцатый год».

– Замечательно! – воскликнул я. – Тут можно без преувеличения сказать: словам тесно, а мыслям просторно.

– Верно! – обрадовалась Лаура. – Теперь мало кому непонятно. Но эти строки были написаны за три года до революции, и тогда многим могло это казаться набором непонятных слов. Если бы вас попросили дать короткое описание такси и пролётки, сколько бы слов на это понадобилось? У Маяковского всего два слова – пухлые такси и костлявые пролётки; как?

– Очень зримо!

– А вот ещё – «мужчины, залёжанные, как больницы, и женщины, истрёпанные, как пословица». А как это, по-вашему?

«Для себя не важно и то, что бронзовый,

И то, что сердце – холодной железкою.

Ночью хочется звон свой

Спрятать в мягкое, в женское...»

– Изумительно! – воскликнул я.

– А вы говорите, не понимаете новую поэзию. Не можете вы её не понимать... Я выхватила из контекста только первые пришедшие в голову строки, а как это звучит в поэме?

– Лаура, вы открываете мне глаза! Не можете ли достать это произведение? Я бы с удовольствием почитал...

– Знаете, стихи футуристов и имажинистов трудно читать, особенно новичку. Их лучше слушать... Вот что, приходите завтра ко мне, у меня есть эта поэма и много других стихов... я вам прочитаю.

– Я с большим удовольствием... Лаура, а наизусть вы что-нибудь помните?

– Очень много.

– Так прочтите. Я вас очень прошу.

– Вы «Левый марш» слышали?

– Нет.

– Какой же вы невежа, Ося! Ну, слушайте!

Декламировала она исключительно хорошо и выразительно. Я не сводил с неё глаз. Увлечённость содержанием того, что она декламировала, делало её лицо вдохновлённым и интересным. Она продекламировала ещё «Хорошее отношение к лошадям», «Флейту-позвоночник» и ещё несколько других стихов. Ей очень импонировало моё восхищение. Вдруг она спохватилась:

– Ося, а ведь мне пора! Я с вами совсем забыла про дочку. Приходите завтра обязательно... я буду ждать.

– Обязательно приду! Я провожу вас...

– Не надо! Я тороплюсь... – Лаура спрыгнула в канаву. – Давайте вашу лапу! Смотрите, приходите. Мой адрес – Миллионная три, вход со двора, – сказала она, заглядывая мне в глаза и не выпуская руки. Вдруг её лицо выразило удивление.

– Слушайте, Ося, да у вас голубые глаза!

– Вы только что их увидели? – в свою очередь удивился я.

– Голубыми – только что! – рассмеялась Лаура и, ещё раз энергично тряхнув мою руку, быстро повернулась и пошла не оглядываясь.

Я следил за ней, пока она не скрылась за переулком. Я думал о Лауре. Какая загадочная женщина. Сколько в ней противоречивого, притягательного и отталкивающего. Я попытался сколько-нибудь разобраться в этом, почувствовал, что бессилён, махнул рукой и поплёлся восвояси.

– Лиза! – вдруг опять спохватился я. – Я обещал рассказывать о себе, а рассказываю о незнакомой тебе женщине. Тебе, должно быть, неинтересно?

– Почему? Ты ведь рассказываешь о себе. Продолжай, продолжай!

На другой день я без труда нашёл квартиру Лауры. Она встретила меня приветливо. На ней был плотно облегающий фигуру халат из ткани дикой расцветки и с невообразимыми рисунками. Покрой халата был такой, как будто он её не прикрывал, а раздевал. В комнате было опрятно, но царил какой-то беспорядок, словно каждый предмет в этой комнате находился не на своём месте. У стены в детской кроватке спала девочка с рыжими кудряшками, раскинув сверху голые ручонки.

Лаура усадила меня в углу, между столиком и комодом, а сама подошла к этажерке и стала разыскивать нужную книгу. Я оглядел столик – и мне бросился в глаза прислоненный к флакону отрезок карточки, где на густо-чёрном фоне выделялся женский торс ослепительной белизны, без головы, с поднятыми вверх согнутыми в локтях руками. Плечи поражали безупречными линиями, а высокие груди средней величины и идеальной формы как будто устремлялись вперёд и несколько вверх. Когда я перевёл взгляд на комод, то увидел в разных его концах прислоненные к коробочкам от пудры другие два отрезка карточки. На одном идеальный женский живот, на другом прекрасные плотно сдвинутые ноги. Я решил, что это открытка со скульптурой какой-нибудь греческой богини, но недоумевал, зачем понадобилось разрезать её на части. В целом такая фигура вызвала бы только восхищение, составные же части, отделённые друг от друга, выглядели уже не только прекрасными, но и эротическими и возбуждающими. Вдруг меня словно огнём опалило. Я заметил то, на что сразу не обратил внимания: на ногах у богини были изящные лаковые туфли на высоких каблуках.

На моё счастье, Лаура никак не могла найти нужную книгу, иначе я не знал бы куда деваться от охватившего меня стыда.

Наконец она нашла то, что искала. Это была тонкая брошюра, изданная на оберточной желтоватой бумаге, с изображёнными на обложке кубистическими фигурами и рисунками.

– Ну вот! – сказала Лаура, усаживаясь против меня и, не смущаясь, запахивая полы халата, обнажившие ослепительное колено. – Сейчас я прочту вам «Облако в штанах» – и заранее вам завидую.

– Почему? – спросил я удивлённо.

– Тому, что вы будете испытывать. Никогда не забуду тех ощущений, когда услышала эту поэму первый раз... Ну и теперь каждый раз, как я её читаю, испытываю большое удовольствие.

– У меня к вам просьба, Лаура!

– Какая?

– Уберите, пожалуйста, эти детали, – я кивнул головой на изображения, стоящие на столике и комод. – Боюсь, что они будут меня отвлекать, кроме того, у меня большое искушение составить из них целое.

Лаура пронзительно взглянула на меня, едва заметно покраснела, молча встала, собрала отрезки карточки, небрежно швырнула их в ящик комода и, обернувшись, с лукавой улыбкой спросила: – Теперь вы в состоянии слушать?

– Я готов!

Читала она артистически. Чувствовалось, что она живёт тем, что читает. Лицо её хорошо, и на него было приятно смотреть. Поэма не только привела в восхищение, но и невероятно меня потрясла. Кончив, Лаура взглянула мне в лицо и с усталой улыбкой сказала:

– Ося! Я вас ни о чём не спрашиваю. У вас и так всё на лице написано.

– Не знаю, как и благодарить вас, Лаура. Вы от меня теперь нескоро отделаетесь, пока хоть частично не поделитесь своим богатством.

– Рада буду поделиться полностью...

Проснулась девочка. Она встала в кровати и, держась за перильца, уставилась на незнакомого ей дядю.

– Теперь, – засмеялась Лаура, взяв ребенка на руки, – начинается поэзия номер два. Детская!

– Вы правы! – улыбнулся я. – Это действительно тоже поэзия. Что может быть поэтичней молодой матери с ребёнком на руках.

– Ох, Ося! – глубоко вздохнув, сказала Лаура. – Какая же здесь поэзия, если эта молодая мать, безумно любящая свою дочку, больше всего на свете хочет, чтобы её дочь выросла непохожей на мать.

Я промолчал, внутренне согласившись с ней.

– Вот видите! Вы молчите...

– Но я ещё так мало знаю вас, Лаура.

Учебный год подходил к концу. Редкий день проходил, чтобы мы не встретились с Лаурой. Много гуляли по городу, но, когда нам хотелось посидеть, мы обязательно оказывались в каком-нибудь глухом переулке или на пустыре. Я удивлялся, где она их только разыскивала. Однажды я обратил на это её внимание и спросил:

– Почему мы никогда не посидим в городском саду, в Университетской роще или в каком-нибудь скверике?

– Не люблю! – резко ответила Лаура. – Там всегда народ... парочки. На тебя глазают, и сама отвлекаешься. Здесь, – улыбнулась она, – ни души, никто не мешает, а если за полчаса кто-нибудь пройдёт, посмотрит на нас как на сумасшедших, и след его простыл.

Когда мы гуляли, она, как правило, брала меня под руку, а если на улице никого не было, обнимала за талию, плотно прижимаясь то грудью, то бедрами. Упругость её тела меня волновала и возбуждала, но и будила во мне внутреннее сопротивление. Если мы сидели, она или рассказывала, или читала стихи, по своему обыкновению тесно прикивая ко мне, приближая своё лицо к моему, словно напрашиваясь на поцелуи. Как бы я ни был возбуждён, такого желания у меня не возникало. Слушал же я её с неослабевающим интересом, она на многое открывала мне глаза, а то, что казалось знакомым, представлялось в новом свете. Часто я заходил к ней домой. Там, после недолгих разговоров о разных пустяках, она разыскивала томик стихов и читала. Читала она стихи не только новых поэтов, но и Пушкина, Лермонтова, Фета и других. Лаура умела и слушать, и спрашивать. Спрашивала она естественно, не выпытывая, но, как-то у неё получалось, о самом сокровенном. С ней невольно хотелось быть откровенным и правдивым.

Как-то я признался, что вот уже восемь месяцев не могу забыть девушку, которая меня разлюбила. Лаура заинтересовалась и попросила меня рассказать об этом подробно. Я рассказал ей, ничего не скрывая, при каких необыкновенных обстоятельствах возникла любовь, как она протекала и при каких ещё более необыкновенных обстоятельствах этой любви пришёл конец. Лаура слушала с неослабевающим вниманием, ни разу не перебив меня. Когда я закончил рассказ, Лаура воскликнула:

– Замечательно! Я в восхищении! Вы же сказали настоящую новеллу о бедных влюбленных... Я могу вам помочь?

– В чём помочь?

– Чтобы ваша любовь возобновилась.

Чрезвычайно поражённый, я взглянул на Лауру. Я не знал, чему больше удивляться: тому, как можно помочь, чтобы любовь возобновилась, или тому, что Лаура, в чём я был уверен, сама добивающаяся моей любви, предлагает подобную помощь. Всё же я спросил:

– Как можно этому помочь?

– Я поговорю с ней как женщина с женщиной, и ваша Оля всё поймёт.

– Нет, ничто уже не поможет! То, что разбито, целым вновь не станет. Конечно, склеить всё можно, но склеенное останется склеенным. Любовь наша была чиста, но, помимо нашей воли, её коснулась пошлость. Отныне, как бы в дальнейшем наши чувства ни были чисты, как бы ни были идеальны наши любовные порывы, за ними незримой тенью будет стоять пошлость, которой омрачили эту любовь. Говорят, грязное к чистому не пристанет. Не всегда это верно. Если в раннем возрасте ребёнок неудачно упал, его организм ещё хрупок, у ребёнка искривляется позвоночник – и он растёт горбуном. Так и с чистой любовью. Если любви в её начальном развитии коснётся грязь, она уже не будет развиваться нормально. Я не настолько наивен, чтобы не понимать: как бы целомудренна ни была любовь, завершение её – обладание. Но эта любовь будет развиваться во всё более и более тесную физическую близость, всё более и более страстное и неисчерпаемое обладание, в высшую страсть, покоящуюся на целомудренном чувстве. Моя любовь с Олей началась с прикосновений, которые стороннему наблюдателю показались бы однозначными, а быть может, и вульгарными. Но эти прикосновения были далеки от грязных помыслов, они рождали душевную близость и чистую любовь, вызывали к жизни тайну, заложенную в юношеской душе. Я не знаю, что испытывает девушка, но юноша, державший в объятиях любимую девушку, обменивающийся с ней поцелуями, желающий, чтобы это продолжалось бесконечно долго, испытывал высшее душевное блаженство, не оскорбляемое сладострастными видениями, и одновременно с этим ощущает мучительную физическую боль. Это природа делает своё дело, готовит юношу к его мужскому назначению – обладанию. В жизни получается, что обладание является завершением любви, её вершиной, после чего начинается постепенный спад, затухание любви. А должно быть наоборот. Обладание – это начало восхождения к недостижимой вершине, потому что настоящей любви предела нет. Я иногда думаю: что такое обладание? Для одних, рождённых с талантом любви, их незначительное меньшинство, обладание – святая святых, чудесное таинство души и тела. Для подавляющего большинства, обладание – такая же жизненная функция, потребность, может быть более острая, как потребность в пище, сне. Для многих обладание – голая страсть, часто именуемая тоже любовью. Чувственность, похоть, разврат, торговля и спекуляция женским телом и другая самая немыслимая мерзость тоже связаны с обладанием. Кажется, несоизмеримые вещи, но зиждутся они на одном и том же акте соития, несоизмеримость этих явлений не ограничена непреступной стеной, они могут приходить в соприкосновение в зависимости от того, в какие условия вдруг захочет поставить тебя жизнь. Кто желает сохранить свою любовь в чистоте, должен это желание беречь в себе как зеницу ока, не допускать никакого постороннего вмешательства, хотя бы оно было с самыми добрыми намерениями. Поэтому, Лаура, я очень ценю ваше желание мне помочь, но решительно от такой помощи отказываюсь.

– Ося, я вас слушаю с восхищением, но как в жизни всё проще... Какой вы ещё наивный и неискушенный...

– Неискушенный – это верно! А насчет того, что в жизни всё проще, я с вами не согласен. Знаете, что означает это ваше «проще»? Оно означает, что человечество ещё не доросло до любви и в своей массе, простите за грубое сравнение, в этом отношении находится в стадии полной неграмотности. Придёт время, когда жизнь поставит вопрос о сплошной грамотности в любви, в самом лучшем смысле этого понятия. Поставила же жизнь сейчас в России вопрос о ликвидации неграмотности вообще. Теперь каждому понятно и никого не надо убеждать, что революция ни развиваться, ни существовать без сплошной грамотности не может. Жизнь неизбежно приведёт к тому, чтобы каждый человек стал обладать способностью настоящей любви, этого прекрасного чувства, без которого жизнь обедняла бы сама себя. Создатели величайших произведений искусства, литературы, музыки знали, что их творения, при их жизни, а может быть, долго и после смерти, не будут ещё доступны для основной массы человечества, но без веры в то, что настанет время и их произведения станут достоянием всех людей, они творить не могли бы. Жизнь – великий творец, и такое чудо, как любовь, для всех сотворит.

– Ох, Ося! Всё это мечты!

– Да, мечты! Но мечты человечества сбываются.

– Всё это очень хорошо! А пока все эти мечты, – и Лаура рассмеялась, – ничего не могут сделать, чтобы у меня не сосало под ложечкой от голода. Я вас не отпущу, пока вы со мной не покушаете. Я недавно получила посылку. Сейчас только накормлю дочку, а потом поджарю картошку с таким свиным салом, которое вы не только давно не ели, но даже и во сне не видели.

Я попробовал отказаться, но встретил такую бурю возмущения, что пришлось согласиться. Но это ещё не всё. Когда я собрался уходить, она отрезала большой кусок сала, вернула в бумагу и потребовала, чтобы я взял с собой. Я отказался наотрез.

Лаура уговаривать не стала, а подошла к дверям, стала к ним спиной и заявила:

– Или вы возьмёте это с собой, или не выйдете отсюда, не применив насилия!

Я расхохотался и подумал: не знаю, как её, а меня насилие не привлекает. Я взял сверток и, показав его ей как пропуск, сказал:

– Пропустите!

Она отодвинулась, вытянулась как часовой и отдала честь.

– Проходите! – и, когда я прошёл, крикнула вдогонку: – Вот умница! До завтра!

От Лауры можно было ожидать любой неожиданной выходки. Как-то провожал её домой, мы проходили безлюдным пустырьём. Поблизости паслись с десяток гусей. Я в шутку сказал: хорошо бы поймать гуся, взять домой и зажарить. Лаура, быстро оглядевшись по сторонам, с молниеносным проворством бросилась к гусям, поймала одного, крепко зажала ему клюв, и не успел я опомниться, как она подбежала ко мне со словами:

– Прячьте скорее под плащ!

То, что, несмотря на жару, я ходил в плаще, тоже было её выдумкой, о которой я расскажу отдельно. Обомлев от страха и отшатнувшись от неё как от зачумлённой, я крикнул:

– Лаура! Вы с ума сошли! Сейчас же отпустите гуся!

Лаура рассмеялась:

– Эх вы, трусишка! – И швырнула гуся к его обеспокоенным и гогочущим собратьям.

– Удивительная женщина! – воскликнула Лиза. – А что за история с плащом?

– Представь, Лиза, что Лаура, несмотря на эксцентричность и многие свои отрицательные качества, была женщиной сердечной, отзывчивой и доброй, готовой всегда помочь.

История с плащом заключается в следующем. Кончился учебный год, наступили каникулы. Иногородние студенты должны были оставаться в Томске, так как проезд по железным дорогам был по специальным пропускам, получить который можно было по более чем уважительным причинам. Студент мог получить пропуск лишь в случае, если он был серьезно болен и врачебная комиссия находила, что для поправки его здоровья необходимы домашние условия. Мне страшно хотелось съездить домой, повидаться после годичного отсутствия с родными, подкормиться на домашних хлебах, показаться друзьям в своем новом обличье студента. Я был основательно истощён студенческим пайком и решил, что необходимых болезней во мне обнаружится требуемое количество. Я начал хождение по врачам: к терапевту, невропатологу, хирургу. Каждый из них меня внимательно выслушивал, выстукивал и после осмотра садился за стол, с непроницаемым видом писал и вручал мне тщательно заклеенный конверт, адресованный в студком. Когда все требуемые конверты были мной собраны и вручены в студком, там после вскрытия меня поздравили с великолепным здоровьем и в пропуске отказали. Это моё великолепное здоровье, лишившее меня поездки домой, сильно меня огорчало, и я ходил как потерянный. Моё состояние не осталось незамеченным Лаурой.

– Чем вы так удручены, Ося?

Я не без некоторого колебания рассказал ей, в чём дело. Лаура немного подумала и сказала:

– Знаете, а я, пожалуй, могу вам помочь.

Поистине Лаура точно была и создана для того, чтобы удивлять. В моём деле я мог бы рассчитывать на чью угодно помощь, но никак уж не на помощь Лауры. На мой недоумённый вопрос, как она сможет помочь, она ответила:

– Среди студенческого начальства у меня есть друзья. Я сегодня же переговорю кое с кем из них. А пока не теряйте надежды, и самое главное – не вешайте нос. Давайте лучше что-нибудь почитаем.

Первый раз я слушал её недостаточно внимательно.

Когда я пришёл к ней на следующий день, Лаура встретила меня радостной лукавой улыбкой. Я понял, что её миссия очевидно увенчалась успехом, и засиял.

– Раньше времени не сияйте, – остудила меня Лаура. – Дело не так просто. Предстоит немало трудностей, самое главное – вам нужно будет потерпеть некоторые неудобства...

– Рассказывайте! Не томите, ради бога. Я готов на любые трудности и неудобства, лишь бы получить возможность побывать дома.

– Тем лучше! Мои друзья, конечно, не могут сделать из вас больного и на этом основании выдать пропуск на проезд. Но в отдельных случаях студентам, приехавшим из дальних городов, если их одежда пришла в ветхость и они не имеют возможности получать посылки, выдают пропуск на поездку домой для экипировки. В университетском складе снабжения в отношении одежды, что называется, хоть шаром покати. Вам надо раздобыть какое-нибудь рваньё, явиться в таком виде в студком и подать заявление о том, что ваша одежда пришла в негодное состояние и вам не в чем будет ходить на лекции. В заявлении потребуйте, чтобы вам выдали одежду или выдали пропуск на поездку домой. К вам пришлют на дом комиссию, чтобы удостовериться в вашей нуждаемости, поэтому всё лишнее надо припрятать. После того как комиссия удостоверится, что вы нуждаетесь, студком обратится в отдел снабжения с ходатайством о выдаче вам одежды, а там получите отказ – и резолюция отдела снабжения послужит основанием для выдачи пропусков.

По мере того как Лаура излагала свой план, моё лицо всё более и более вытягивалось от разочарования. Лаура это заметила и, рассердившись, спросила:

– Вас этот план не устраивает?

– Нет! – отрезал я. – Мне претит всякий обман, не говоря уже о том, какое это сомнительное удовольствие разгуливать по городу оборванцем...

– Не понимаю, что вы за человек? – раздосадованно перебила меня Лаура. – Разве можно быть таким щепетильным? О каком обмане идёт речь? Вам необходимо съездить домой, чтобы поправиться? Необходимо! Врачи полагают, что вы ещё недостаточно истощены, чтобы вам грозила чахотка, а я считаю, что даже намёк на такую угрозу не должен появиться. По сути дела, в том, что я предлагаю, никакого обмана нет, и всё это нужно для простой проформы. Но насчёт неудобств... кто это мне говорил, что готов на любые трудности и неудобства, не вы ли? У вас какой-нибудь летний плащ есть?

– Есть!

– Вот и прекрасно! – улыбнулась Лаура. – А вы говорите – неудобства... Кто увидит ваши лохмотья под плащом? Никто! Мы даже наших прогулок не отменим, подумаешь, будет немного жарко. Когда вы будете приходите ко мне, я не буду очень настаивать, чтобы вы раздевались, – рассмеялась Лаура.

Короче говоря, она меня убедила. Так, к удивлению томичей, на улицах города стала появляться странная парочка: она – чуть ли не в ажурном платье, он – в плаще.

– Вот тебе, Лиза, и вся история о плаще, хотя на этом мои злоключения ещё не кончились.

На другой день, посвятив сожителей по комнате в свой план, очень им понравившийся, я всё лишнее переложил в их чемоданы. У Валентина я достал рваные брюки, не менее рваная гимнастёрка нашлась у меня. Облачившись в этот маскарад и натянув сверху плащ, я направился в университет на приём к председателю студкома. В приёмной сидели несколько студентов. Из кабинета временами слышались крики и ругань. Из кабинета вышел, что-то бурмоча, раскрасневшийся, возмущённый студент. Дойдя до выхода из приемной, он обернулся, погрозил кулаком и крикнул: «Всё равно своего добьюсь! Бюрократ!» Я покосился на кабинет и подумал: «Видно, там сидит хороший зубр», – и моё предприятие представилось мне мало надёжным.

Подошла моя очередь. Я робко вошёл в кабинет. За столом сидел немолодой студент в очках, с бородкой клинышком и усталым выражением лица. Он подозрительно взглянул на моё не по-летнему одеяние.

– Что у вас?

Я подал заявление. Почитав, он сказал:

– Ничего не могу для вас сделать.

– Но войдите в моё положение, – почти умоляюще проговорил я. – Мне совершенно не в чем ходить...

– Вы на меня не кричите, пожалуйста! – вскипел он.

– Что вы! – сказал я, необычайно удивлённый. – Я и не думал повышать голос...

– Простите... это я по привычке, – и он улыбнулся доброй улыбкой. – У меня столько крикунов бывает за день... – и опять сделавшись серьёзным, спросил: – Чем вы докажете, что вы действительно в таком бедственном положении?

Я распахнул плащ. Мой собеседник даже отшатнулся.

– Да... действительно! Вот что, дайте ваш адрес. Я пришлю к вам комиссию обследовать. Если окажется всё так, как вы пишете, мы направим в отдел снабжения ходатайство, чтобы вам выдали обмундирование.

«Нужно мне ваше обмундирование», – подумал я – и сказал:

– Я наводил справки в отделе снабжения, у них сейчас ничего нет.

– Тогда пусть наложат резолюцию, что наше ходатайство не могут удовлетворить, и у нас будет основание, чтобы выдать вам пропуск.

Я рассказал Лауре о сцене в кабинете. Лаура безумно расхохоталась и, чуть не задыхаясь, спросила:

– Так и сказал – «не кричите»? Ох, очкастый... не кричите! Бедненький, как же его допекают... не кричите! Нет, я не могу, – и, немного успокоившись, сказала: – Он мой хороший знакомый, добрейшей души человек. Не на месте он сидит... во всяком случае, на девяносто процентов вас можно поздравить с успехом.

Как-то гуляя с Лаурой и исчерпав все темы разговора, мы долго шли молча.

– Простите, Лаура, за нескромность, – прервал я молчание, – что у вас происходит с мужем?

– А что такое? – резко обернулась она ко мне.

– С того знаменательного вечера, когда мы с вами познакомились, все ночи он проводит с нами в комнате. Не замечал я вас вместе и ни разу не встречал у вас. Что у вас произошло? Большая ссора? Если ссора, то, насколько я знаю Неизвестного, не думаю, что инициатива исходила с его стороны. Мне кажется, вы по отношению к вашему мужу жестоки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.